

Министерство образования и науки Российской Федерации

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)

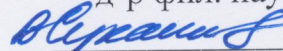
Филологический факультет
Кафедра истории русской литературы XX века

УДК 808.1

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК

Зав. кафедрой истории русской
литературы XX века

д-р фил. наук, профессор

 В.А. Суханов

« 11 » июня 2018

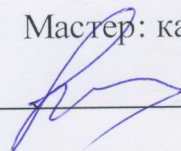
ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

«Увидеть Париж». Сборник травелогов young adult

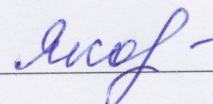
Яковлева Анна Сергеевна

Специальность «Литературное творчество»

Мастер: канд. филол. наук, доцент

 А.Н. Губайдуллина

Автор работы

 А.С. Яковлева

Томск-2018

Министерство образования и науки Российской Федерации
(МИНОБРНАУКИ РОССИИ)
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (ТГУ)
Филологический факультет
Кафедра истории русской литературы XX века

УТВЕРЖДАЮ

Зав. каф. истории русской
литературы XX века
В. А. Суханов
«04» сентября 2017 г.

ЗАДАНИЕ

по подготовке ВКР специалиста направления 52.04.05 «Литературное творчество»

студенту: Яковлевой Анне Сергеевне группы № 1333

1. Тема ВКР работы: «Увидеть Париж». Сборник травелогов young adult

2. Срок сдачи студентом выполненной ВКР:

а) на кафедре: 7 июня 2018 года

б) в ГАК: 13 июня 2018

3. Исходные требования к работе:

Цель работы: создать сборник оригинальных травелогов направления young adult с теоретическим осмыслением жанра.

Для выполнения требований необходимо решить ряд задач:

1. Изучить теоретическую литературу, посвященную травелогам и прозе young adult.
2. Написать реферативную часть работы (Введение) с использованием теоретических данных.
3. Подготовить художественные тексты в итоговой редакции, соблюдая следующие сроки:

Введение до 25 апреля 2018 г.

Цикл травелогов до 20 мая 2018

4. Обсудить дипломную работу на мастерской: 29.05.2018
5. Оформить работу, провести финальную редактуру: до 7 июня 2018 г.

5. Указать предприятие, организацию, по заданию которого выполняется работа:

Кафедра истории русской литературы XX века филологического факультета ТГУ

6. Перечень графического материала (с точным указанием обязательных чертежей)

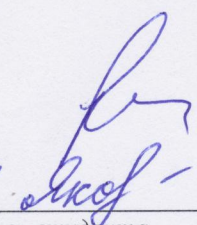
7. Дата выдачи задания «04» сентября 2017 г.

Руководитель ВКР:

Доцент каф. истории русской литературы XX века

А. Н. Губайдуллина

Задание принял к исполнению

4.09.2017
дата, подпись студента

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Моя сказочная жизнь далеко не сказка	22
Глава 2. Мистическая Прага	29
Глава 3. Нежный Кан	39
Глава 4. Ароматный Прованс	49
Глава 5. Волшебный Марракеш	58
Глава 6. Переменчивая Флоренция	64
Глава 7. Узнаваемый Лондон	74
Глава 8. Увидеть Париж — и жить	81
Список литературы	89

Введение

Данная дипломная работа выполнена в жанре травелога. Травелог (путевой очерк, путевая картина) – жанр, широко распространившийся в русской литературе с XVIII-XIX веков. Традиционно главной задачей жанра считается отчет о путешествии. Выделяются два основных типа травелога: просветительский, ставящий в первую очередь цель расширить кругозор читателя, сообщить ему достоверную информацию о мире, и сентиментальный, в котором на первый план выходят эмоциональные реакции повествователя, а фокус описания смещается от внешнего мира к внутреннему¹.

По мнению венгерского ученого Георгия Твердова, «травелоги принадлежат в первую очередь так называемой литературе “эпической”, то есть длинному разножанровому повествованию: они рассказывают о приключениях движения, чередующихся с впечатлениями и размышлениями»².

Жанровое, тематическое и стилистическое своеобразие травелогов как художественно-документальных текстов, именуемых иначе литературой путешествий, путевой литературой, путевыми очерками, путевыми поэмами (в зарубежной критике – *travelogue*, *travel writing*, *travel literature*), неоднократно становилось предметом исследований, в результате которых создана определенная, хотя и не бесспорная, теоретическая база. Генезис, поэтика и теоретические аспекты жанра травелога изучаются в трудах Е.Г.Проценко, В.М. Гуминского, В.А. Шачковой, М.С. Стефко, С.А. Козлова, Е. Андреевой и других учёных.

Проблема определения термина «травелог» связана с тем, что в последнее время в литературоведении для обозначения всех сочинений

¹ Никитина, Н.А. Жанр травелога: когнитивная модель. / *Homo Loquens*: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – СПб: Астерион, 2013. – Вып.5. – С.132.

² Tverdota G. *Écrire le voyage*. – Paris: Presses de la Sorbonne Nouvelle. – 1994. – 224 с.

писателей о путешествиях употребляется термин «травелог» вместо «путевые записки, путевые дневники, путевые заметки или очерки», как принято было называть раньше произведения о путешествии. В то же время, исследователи очень часто не сходятся во мнениях о том, что касается этого термина, пришедшего из английского языка.

Необходимо различать путевой очерк как публицистический жанр, свойственный, в большей мере, журналистике, и художественный травелог как явление fiction-литературы. В зоне нашего внимания находится преимущественно художественный, а не публицистический, травелог.

Основываясь на многих исследованиях, можно прийти к выводу, что «травелог» и «путешествие» употребляются в литературоведческих работах как синонимы. Оба типа текста выполняют одну и ту же функцию: рассказать о странствии, используя сочетание художественных и публицистических приёмов. Кроме того, травелог – заимствованное понятие, что также позволяет использовать его синонимично с аутентичным для русского лексикона словом «путешествие».

«Путешествие, наравне с хроникой, — одна из форм изложения научной литературы (главным образом до середины XIX века), именно форма изложения географических и этнографических сведений. В этом понимании путешествие выходит за пределы изучения художественной литературы и привлекается к историко-литературному анализу лишь в той мере, в какой в известные эпохи (эпохи синкретизма прозаических жанров) оно является показательным для характеристики литературных стилей. Так, в этом плане подлежат изучению путешествия античных писателей или “паломничества” раннего средневековья. Однако путешествие как форма изложения оказывает огромное влияние на развитие художественной литературы, выступая в качестве одного из наиболее распространенных способов композиции в повествовательных и описательных жанрах»³.

³ Шор, Р. Путешествие. / Литературная энциклопедия: В 11 т. — М., 1929—1939. — Т. 9. — М.: ОГИЗ РСФСР, Гос. ин-т. "Сов. Энцикл.", 1935. — с. 375—376.

По своим структурным и жанровым признакам травелог определён не достаточно чётко. Так, авторы монографии «Русская культура в зеркале путешествий» пишут: «понятие травелог не так давно вошло в научный оборот и пока еще не затвердело в границах строгих дефиниций. Проблемы уяснения его жанровой сущности и временных границ связаны с разнообразием феноменов художественного и научного творчества, которые называют этим термином»⁴. Жанр имеет историю и до сих пор продолжает развиваться. К ранним вариантам травелогов можно отнести «и средневековые “хождения”, повествующие о путешествии паломников к святым местам, и деловые записки купцов-негоциантов, и “статейные списки” дипломатов, представлявшие по возвращении посольств из-за границы, и научные отчеты об экспедициях географов и натуралистов в “места неизвестные”, и отчеты студентов-стажеров, отправляемых учиться в Европу, и путевые дневники, и хроники, и журналы, и переписку, и исповеди “странствующей души”, и всевозможные путеводители и справочники по странам и континентам, и приключенческую и фантастическую художественную литературу, и путевые заметки в периодике, сетевых журналах и блогах...»⁵. С начала 2000-х годов травелог все чаще становится объектом изучения отечественных и зарубежных исследователей.

В традиционном виде травелог – это не только документальный рассказ о поездке, экспедиции, исследовании, но развёрнутое повествование, подкрепленное историческими свидетельствами (историческими данными, статистикой, картами), для которого характерен сравнительный анализ прошлого и настоящего, а также размышления воспринимающего субъекта, его рефлексия увиденного.

Помимо физического перемещения в пространстве, травелог предполагает и метафизическое путешествие, в финале которого происходит катарсис, интеллектуальное обогащение как повествователя, так и читателя.

⁴ Милюгина, Е.Г., Строганов М. В. Русская культура в зеркале путешествий. – Тверь: Твер.гос.ун-т, 2013. – С. 17.

⁵ Милюгина, Е.Г., Строганов М. В. Указ.соч. С. 19.

К тому же главная задача путешественника описательного документа заключается не в том, чтобы развлечь аудиторию, важно передать знания, в том числе – неизвестные прежде: редкие культурные, географические, этнографические сведения.

Большая часть отечественных исследований травелогов посвящена русско-европейским культурным связям; путешествиям в сторону востока уделяется гораздо меньшее научное внимание.

Травелог контекстуально открыт. Автор старается соблюдать правила. В текстах этого типа реальность преобладает над вымыслом. Таким образом, травелог тяготеет к сохранению правдоподобия: нужно достоверно показать то, что автор увидел во время перемещения. Кроме того, путевые заметки имеют дидактическую цель, так как хотят чему-то научить, предоставить расширяющие сознания и полезные сведения.

Хотя, с другой стороны, путевые записки могут одновременно рассказывать действительные и мнимые события. Они не могут быть абсолютно объективными и прозрачными, потому что они всегда включают в себя элемент субъективности. Субъективность проявлена на уровне отбора материала, его расположения, выражена в тех ассоциативных связях, которые автор использует для создания культурных отсылок, образного «фона» повествования.

Продуктивнее опираться на характеристики травелога, чем пытаться определить его как определенный литературный жанр. Основной жанрообразующей чертой травелога, на наш взгляд, является стремление к достоверному изображению «чужого» мира, пропущенного через восприятие путешественника.

Зачастую травелог используется не как самостоятельное публицистическое или художественное произведение, но как разновидность дискурса, способ повествования в более сложном, жанрово синкретическом тексте. Так, уже в XVII веке начали говорить о взаимосвязи между травелогом и романом. В настоящее время Т. Н. Маркова обнаруживает в

сложных повествовательных текстах «присутствие разных жанровых кодов, объединение которых рождает новую жанровую модель: роман-исследование, роман-гротеск, роман-наваждение, роман-травелог»⁶. О сращении жанров травелога и романа рассуждает и А. Бондарева, фиксируя беллетризацию травелогов и «вплетение» их элементов в романы⁷.

Исследователь жанр травелога Н.А. Никитина отмечает, что травелог – это жанр, особенно распространенный в литературе XVIII-XIX веков. Гибкость формы обеспечила данному жанру большую популярность. Она же препятствует жанровой классификации, поскольку позволяет отнести к нему большое количество текстов разного стиля и содержания. В то же время подобная широта определения затрудняет отграничение жанра от нефикциональных путеводителей с одной стороны и от романа-странствия (новеллы - странствия) с другой⁸. Маршрут путешествия обычно определяет хронотоп произведения, но последний может расшириться за счет многочисленных и многообразных отступлений (от исторического экскурса до вставной новеллы).

О. Балла классифицирует романы начала XXI века по типу их взаимоотношений с хронотопом и путешествием. Исследователь выделяет несколько типов функционирования травелога в романе, давая разным типам художественные определения:

- а) «роман с пространством и/или с чужой культурой»;
- б) «путешествие как практика непринадлежности»;
- в) «упражнения в принадлежности (к русской ли культуре и судьбе, к мировой ли культуре, к уделу ли человеческому вообще)»;
- г) «преображение путешествующего»;
- д) «путешествие онтологическое»;

⁶ Маркова, Т.Н. Авторские жанровые номинации в современной русской прозе как показатель кризиса жанрового сознания. / Вопросы литературы. – 2011. – №1. – с.47.

⁷ Бондарева, А. Литература скитаний. / Октябрь. – 2012. – №7. – с. 54.

⁸ Никитина Н.А. Указ.соч. С. 133.

е) «своего рода противоядие против травелогов и очарования пространствами»⁹.

Для каждого типа исследователь подбирает наиболее показательные художественные произведения. Несмотря на публицистичность работы О. Балла, автор помогает актуализировать идею места и идею пути, сталкивающиеся в травелоге и иногда вступающие в конфликт. Структура травелога, как правило, предполагает чередование описаний конкретных локусов и описание движения, то есть совмещает статику и динамику.

Если обращаться к истории жанра травелога, то ключевым в его развитии стал восемнадцатый век. Во времена Просвещения травелог как литературная модель укрепился на литературном пространстве: именно в это время, богатое научными экспедициями и индивидуальными путешествиями, появляется огромное количество травелогов¹⁰.

Начиная с восемнадцатого века авторы путевых записок осознают преимущества литературного воздействия, соединяя заботу о стиле с композицией повествования. Эпистолярная форма в описании путешествия широко использовалась в эпоху Просвещения. Отныне она процветает. А в конце XVIII века в Российской империи публикуется «Путешествие из Петербурга в Москву» (Санкт-Петербург, 1790) Александра Радищева (1749-1802 гг.). Эта книга положила начало русским путевым заметкам.

Девятнадцатый век считается золотым веком травелога. Благодаря распространению военных, коммерческих и научно-исследовательских экспедиций, путевые очерки стали широко известными и разнообразными по содержанию. Европейская колониальная экспансия, распространяющаяся на новые земли, сопровождается появлением писателя-протолиста, наблюдателя: автор может зарабатывать деньги, рассказывая об увиденном.

⁹ Балла, О. Нефотографизмы: преодоление травелога. / Homo Legens. – 2013. – №3. / Электронный ресурс. URL: http://magazines.russ.ru/homo_legens/2013/4/nefotografizmy-preodolenie-traveloga-pr.html (дата обращения: 29.05.2018)

¹⁰ Майга, А.А. Литературный травелог: специфика жанра. / Филология и культура. Philology and culture. – 2014. – №3 (37). – с. 255.

Кроме того, путевой дневник является не только результатом поездки, а ее необходимым условием и целью.

В восемнадцатом – девятнадцатом веках травелог развивается и в России. Считается, что его развитию способствуют тенденции сентиментализма. Но некоторые ряд исследователей утверждают, что травелог остаётся востребованным независимо от торжества той или иной эстетической системы: «генезис травелога подтверждает востребованность жанра на разных этапах развития литературы и словесности в целом: оставаясь удобной формой непосредственной фиксации впечатлений, путевая проза становилась универсальной матрицей постижения “иного”, создания и закрепления “образа другого” на разных уровнях художественного обобщения вне зависимости от задач автора, а следовательно, и его нарративной стратегии»¹¹. Итак, обозначается имагологическая ценность травелога (я и Другой; своё и чужое пространства).

Изучение травелогов значительно отстаёт от развития самого жанра. В западной науке пик изучения травелогов приходится на первые годы XX века, наравне с социологическими, гендерными исследованиями, а также с колониальными и постколониальными работами. В начале двадцатого века было собрано и проанализировано большое количество травелогов, со Средневековья до Нового времени. Именно в этот период учёные начали классифицировать и систематизировать травелоги.

Для русских травелогов основой считаются «Письма русского путешественника» (1791) Н.М. Карамзина. Многие исследователи (П. Алексеев, О. Кулишкина, И. Калинин, К. Анисимов) отмечали, что «Письма» сформировали жанровую модель для всей последующей литературы путешествий, в рамках которой начал выделяться ориентальный травелог. Ориентальный травелог – травелог, в котором описывается путешествие на

¹¹ Мамуркина, О.В. Травелог в русской литературной традиции: стратегия текстопорождения. / Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота – 2013. – № 9 (27): в 2-х ч. Ч. II. – С. 112.

Восток. «Карамзинский образ русского образованного путешественника с книгой в руках оказался настолько мощным в семиотическом отношении, что большинство последующих травелогов XIX века, в том числе ориентальных, были написаны с оглядкой на карамзинский текст»¹².

Нужно сказать, что после Второй мировой войны все чаще стали изучаться в литературоведении записки о путешествиях, путевые дневники и отчеты как отдельный жанр. Эта новая волна частично мотивирована возрождением исследований в другой новой области литературоведения – постколониальной литературе.

Сегодня речь идет не о жанровом характере травелога, а скорее о расширении его границ и о том, как четко определить термин «травелог». В связи с популярностью травелогов в конце XX – начале XXI веков жанр потерял свои устойчивые признаки, твердую форму и стал более свободно компилировать элементы многих типов прозы (рассказ, эссе, очерк). Гибкость формы обеспечила данному жанру большую популярность. Она же препятствует жанровой классификации, поскольку позволяет отнести к травелогу большое количество текстов разного стиля и содержания.

В то же время подобная широта определения затрудняет отграничение жанра от нефикциональных путеводителей с одной стороны и от романа странствия – с другой.

Сопоставление разных образцов позволяет выделить ряд ядерных и периферийных признаков жанра.

Обязательные элементы травелога:

- 1) фигура повествователя – путешественника;
- 2) пространственно-временная дискретность.

Травелог – это я-повествование, предполагающее обязательное наличие рассказчика. «Типы рассказчика многообразны: от alter ego писателя до недостоверного повествователя – но именно он представляет

¹² Алексеев, П. В. Русский ориентальный травелог как жанр путевой прозы конца XVIII – первой трети XIX века / Филология и человек – Барнаул: Изд-во Алтайского Гос.ун-та – 2014. – №2. – С. 36.

единственный фокус изображения, единственную точку зрения на описываемое»¹³. Именно это отличает травелог от романно-новеллистических форм, где, помимо точки зрения путешественника, есть точка зрения автора, обладающего большим знанием, и возможен диалог автора и читателя, минуя героя, что невозможно в травелоге.

В отличие от романа странствия, который представляет собой рассказ о становлении героя, путешественник в травелоге – уже сложившаяся личность. Герой даётся в заметке статичным, развития характера не происходит. Но более объёмная, развивающаяся личность героя возможна в цикле травелогов, где работает не только внутритекстовая целостность, но и структурные, межтекстовые связи, что позволяет проявить героя более многообразно. В травелоге герой может претерпевать изменения, но это перемены в настроении, в направлении мыслей, но не в характере самой личности. Если в романе события отбираются с тем, чтобы вызвать нужный эффект в судьбе героя, то в травелоге события представляются как случайные и не подчиненные общей цели.

В романе мир формирует героя, в травелоге – описывается им, раскрывает его характер и мировосприятие, отчасти проверяется им. Вместе с тем, подобное взаимодействие отличает травелог от публицистического отчета о путешествии, где взаимодействия между миром и путешественником не предполагается. Пространственно-временные рамки сюжета заданы реальностью (начало и конец путешествия). Поэтому в травелоге нельзя передать судьбу героя полностью. В отличие от романа, жизнь человека описывается не от рождения и не от условной точки читательского «знакомства» с ним, но с конкретного момента начала путешествия и заканчивается потенциальным (или явным) возвращением. Так как литературный травелог изображает впечатления путешественников в течение определенного периода, он не распространяется на все жизненные аспекты народа (что тоже ведёт к редукции эпического начала); тем не

¹³ Никитина Н. А. Указ.соч. С. 133.

менее, путевой рассказ, который фокусируется на наблюдениях и свидетельствах о путешествии, может использоваться в качестве метода историографии.

Композиция травелога более компактна и предсказуема, чем в романе. Тем более заметной становится дискретность, неоднородность повествования, когда один хронотоп обладает значительно большей важностью, чем другой. Читатель путеводителя ждет от последнего объективного и беспристрастного описания, где значимость того или иного места определяется объективными критериями (культурно-исторической значимостью). Важность различных отрезков путешествия в травелоге определяется авторским замыслом и их ролью в раскрытии образа путешественника, мира и их взаимоотношений. В то же время постоянное присутствие программы путешествия дает возможность для игры с читательскими ожиданиями.

Как было сказано выше, в настоящее время, отчасти под влиянием постмодернизма, отчасти в процессе интермедиального сращения с визуальными искусствами и беллетристикой, художественный травелог почти полностью потерял стремление к сохранению правдоподобия и к журналистской фактографичности.

В современной литературе появляется много произведений, которые содержат в себе элементы травелога.

Опираясь на работу В.А. Шачковой, можно выделить основные черты этого жанра¹⁴:

1. Принцип жанровой свободы, пронизывающий разные уровни текста путешествия, отсутствие строгих литературных условностей и жанровых канонов. Структурированная фабула в текстах этого жанра не является обязательной, что не означает отсутствия композиционной и структурной стройности произведения.

¹⁴ Шачкова, В.А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории. / Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2008. – №3. – С. 280.

2. Особая активная роль автора – путешественника, участника событий, наблюдателя, носителя определенного мировоззрения. Образ автора является структурообразующим в жанре путешествия.

3. Обязательные документальные элементы. Путешествие в определенной степени представляет собой слепок с действительности, параметры которого тем не менее задаются волей автора. В тексте путешествия всегда подчеркивается роль факта, документа: автор стремится убедить читателя в достоверности описываемого.

4. Субъективность авторского подхода и откровенный вымысел как неотъемлемая часть специфики текста путешествия.

5. Публицистичность как способ выражения авторской позиции.

6. Синтетичность жанра, которая подразумевает не просто соединение разнородных элементов, а их преломление друг в друге, взаимопроникновение, «пропитанность» друг другом, сплетение в единую ткань.

6.1. Обязательное включение в структуру текста путешествия элементов других жанров как художественной литературы, так и небеллетристических (дневника, письма, памфлета, автобиографии, репортажа, анекдота).

6.2. Синтез обязательной фактической составляющей, которая имеет познавательную, информативную функцию с подчеркнута субъективной авторской интерпретацией и вымыслом.

7. Маршрут, дорога как тематический и структурный стержень текста в жанре путешествия.

8. В жанре путешествия авторы утверждают себя как интересные рассказчики и имеют максимум возможностей для выработки индивидуального стиля. В этом жанре часто писали авторы, условно говоря, «второго ряда», а также выдающиеся художники в начале своего творческого пути.

9. Путешествие является откликом на запросы аудитории. Путешествие как жанр наиболее сильно испытывает непосредственное влияние действительности, различных внелитературных обстоятельств.

В целом, жанр травелога использует «идею свободы» как конструктивный принцип, на котором основывается путешествие; свобода воплощается в том, что в этом жанре автор имеет максимум возможностей для ничем не ограниченного выбора предметов изображения и перехода от одного предмета к другому исключительно по своей воле, не подчиняясь закономерностям, присущим произведениям с четко выстроенной фабулой.

«Идея свободы» выражается также в том, что текст путешествия не является замкнутым внутри себя как отдельный литературный объект. Он непосредственно связан с действительностью, отражая реальные ее моменты. Принцип жанровой свободы в путешествиях можно также усмотреть в отсутствии литературных условностей и канонов, которых следовало бы придерживаться автору, пишущему в этом жанре.

Однако, несмотря на свободу как центральное и многоаспектное понятие в определении жанра путешествия, можно все-таки отметить ещё некоторые общие структурные особенности и закономерности построения текстов современных текстов путешествий.

О.Балла, рассуждая о современном травелоге, пишет об усилении тенденции интериоризации: «фокус внимания травелографа заметно смещается извне – внутрь (Происходит <...> интериоризация, “овнутрение” путешествия).

Пишущим все больше интересно описание не столько зримого мира самого по себе, сколько взаимодействующего с ним человека, его внутренней феноменологии. Пространство всё чаще становится инструментом для решения внеположных ему задач»¹⁵.

С О. Балла соглашается Д. Зиятдинова: «<...> современный травелог зачастую выступает сознательной авторской стратегией, позволяющей

¹⁵ Балла, О. Указ.соч.

реализовывать различные авторские проекты, в том числе, связанные с решением проблемы самоидентификации. Во многом это мотивировано значимостью художественной составляющей для данного жанра, традиционно относимого к литературе non-fiction»¹⁶.

В. М. Русаков выделяет архетипические категории, характерные для классического травелога («путь», «странник», «приключение», «подвиг», «решение»). По мнению исследователя, они являются жанровообразующими (в этом отношении представленные архетипы, вероятно, можно сравнить с функциями волшебной сказки, по В.Я. Проппу). Однако, отмечая структурную важность этих категорий, В. Русаков фиксирует и их трансформацию в современных произведениях. «Но в отличие от “первородного” мифологического (религиозно-мифологического или мифопоэтического) сознания они есть продукт разложения мифа, существования его на поздних стадиях, когда миф не только утрачивает изначальное неразличение субъективного и объективного (эти схематизмы достаточно саморефлективны и хорошо подготовлены для разнообразного применения человеком) и потому являются продуктом скорее, интеллектуальной интуиции, включающей в себя в качестве служебных компонентов чувственно-образные комплексы. <...> мифологемы <...> двоятся – множатся при попытке рассмотреть их поближе, уточнить их ядро, границы. Признаком “мерцания” смыслов в этих интеллектуально-чувственных образах является широчайшее употребление метафоры. Современный сконструированный миф тем более выступает довольно изощренной технологией, тщательно проработанной и с точки зрения субъекта-объекта, условий и целей, средств и методов его разнообразного применения»¹⁷. Таким образом, отмечается усложнение как авторского сознания, так и образно-мотивной системы новых травелогов.

¹⁶ Зиятдинова, Д.Д. Специфика функционирования жанровой модели травелога в современной русской литературе (Д. Рубина, Л. Улицкая) / Филология и культура. – 2014. – №3 (37). – с. 241.

¹⁷ Русаков, В.М. Архетипические категории (концепты) в дискурсе травелога. / Дискурс Пи. – 2010. – №1–2, т.9. – с. 209.

Об изменении травелогов пишет Алёна Бондарева в критической статье «Литература скитаний». С её точки зрения, травелог изменился не только в связи с развитием системы литературных жанров, но и из-за экстралингвистических факторов: «<...> дискуссия стремительно пришла к тому, что сегодня травелога в чистом виде быть не может.

Причин несколько. Жанр давно ассимилирован. Например, появился беллетризованный травелог («Сердце тьмы» Джозефа Конрада, «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Радищева), который как минимум раздвинул границы жанра.

К тому же сам мир изменился до неузнаваемости. Сегодня почти каждый может позволить себе путешествие если не в Турцию, то в соседний город. Передвижение по миру более не сопряжено с материальными трудностями (мы не седлаем лошадей и не оснащаем корабль). Да и нехоженных троп почти не осталось. А особо ленивые могут совершить виртуальный вояж. Почта, Интернет и мобильный телефон сделали мир доступным для любого человека. Потому-то и документирование реальности носит совсем иной смысл.

Современный травелог более не стремится поведать своему читателю о неизведанном, скорее наоборот, предлагает взглянуть на знакомые вещи с другой стороны»¹⁸. Соответственно, травелог XXI века требует от своего создателя не столько страноведческих знаний, сколько неожиданного, нестандартного взгляда на мир, поиска новых аспектов описания реальности. Привествуются содержательные и стилистические эксперименты.

С появлением инновационных цифровых технологий писатели стали реже прибегать к травелогам, тексты о путешествиях были заменены фоторепортажами и телевизионными программами. Тележурналисты, наоборот, все чаще начинают обращаться к этому многофункциональному жанру. Вспомним, например, книги Владимира Познера: «Тур де Франс.

¹⁸ Бондарева, А. Указ.соч. С. 55.

Путешествие по Франции с Иваном Ургантом» (2011) и «Их Италия. Путешествие-размышление “по сапогу”» (2013).

Травелоги обретают «вторую жизнь» в интернете, где текст редуцирован и служит сопровождением к фотографиям.

Кроме того, травелоги дифференцируются по признаку адресности (с учётом гендерных, возрастных, экономических показателей) и зачастую создаются в расчёте на определённого реципиента. Так, существуют травелоги для девушек (Л. Дэмей, Л. Ватрен Л. «Париж для девушек и не только... Увлекательный путеводитель – травелог»; Э. Гилберт «Есть. Молиться. Любить»), травелоги для детей (А. Траини «Путешествие в деревню»; С. Артюшенко, Ю. Смирнова «Лесные путешествия. От России до Америки»).

Целью данной работы является создание цикл травелогов в стиле «young adult».

Понятие «young adult» (в буквальном переводе с английского «юный взрослый») применяется к художественным текстам так называемой «двойной адресации» или «cross-writing». «Cross-writing современной прозы и поэзии для детей характеризуется тем, что авторы соединяют в одном тексте мотивационную, когнитивную и функциональную характеристики, свойственные коммуниканту-ребенку и коммуниканту-взрослому»¹⁹. Это может значить, что текст предназначен и детям и взрослым одновременно, соединяя разные семантические уровни, либо – что текст ориентирован на подростка, то есть реципиента, обладающего «промежуточными» возрастными характеристиками. Также можно сказать, что сборник данных травелогов предназначен для подростков и взрослых «поколения Питера Пэна». «Поколение Питера Пэна» - художественная характеристика, закрепившаяся в гуманитарных науках (психологии, социологии,

¹⁹ Губайдуллина, А.Н. «Для бывших детей или будущих родителей?» (К проблеме двойной адресации современной детской книги). / Антропологическая психология в XXI веке: проблемы и перспективы. Сборник материалов V Сибирского психологического форума. – Томск, 03-05 октября 2013 г. – С.70.

литературоведении) с середины 1990-х годов²⁰. К этому поколению, по мнению социологов, относятся представители современного общества, склонные оттягивать переход во взрослую жизнь на более долгий срок, чем их сверстники в предыдущих поколениях. Считается, что на рубеже XX – XXI веков инфантилизм (неспособность или отсутствие желания брать на себя «взрослую» ответственность, избегание постоянной занятости и устойчивых привязанностей, child free, пространственная незакреплённость, девальвация «чувства места», идеи малой родины, тяга к путешествиям, перемещениям) стал общим признаком широких социальных групп.

Если упростить, то young adult — это литература, которая строится вокруг читателя-подростка. Произведения young adult не предполагают дидактической позиции нарратора (в этом проявляется их принципиальное отличие от традиционного травелога); авторское сознание здесь приближено к читательскому: допускается принципиальный индивидуализм, сосредоточенность автора на собственных впечатлениях, и в то же время – демонстрация принадлежности к определённой молодёжной субкультуре или сообществу.

Young adult - относительно новый тип текста для русской литературы; в России о нём начали писать в начале 2000-х годов. Можно назвать нескольких исследователей, изучающих young adult: Е. Белоглазова, Е. Лекаревич, А. Мелихов. С начала XXI века литература young adult превратилась в одно из самых популярных направлений, которые теперь востребованы читателями от 10 лет, не только подростками, но и взрослыми.

Литература young adult имеет определенные тематические и стилевые особенности. В центре внимания находятся подростковые темы, часто есть идея противостояния, конфликта поколений; присутствуют элементы двоемирия. Эта литература стремится к эскапизму – уходу от реальности в иллюзорный, фантастический мир. Очень часто к ней причисляют книги в

²⁰ Ярская-Смирнова, Е., Карпова Г., Ворона, М. «Веселые, непонимающие и бессердечные»? О феномене Питера Пэна. / Неприкосновенный запас. – 2008. – №6(62). Электронный ресурс. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/6/ia14-pr.html> (дата обращения: 24.05.2018)

жанре фэнтези и реализм с элементами мистики. Кроме того, young adult пользуется «аутентичным» языком: приветствуется ситуативная ирония, молодёжный слэнг, жаргонизмы и разговорная речь в сочетании с художественными тропами (зачастую стереотипными, привычными данной субкультуре).

Литература под знаком «ya» (young adult) имеет общие каноны.

Во-первых, главные герои книг обязательно должны быть юными, но не младше подросткового возраста: ученики старшей школы, студенты, абстрактные подростки... Во-вторых, круг проблем должен быть близок возрасту героев. И в-третьих, в литературе этого типа популярны такие литературные подвиды как роман взросления или *campus novel* (университетский роман). Герою приходится пережить такие жизненные ситуации, которые приводят к его взрослению.

Авторы young adult уделяют огромное внимание сюжету и его развитию, поэтому читать книги этого жанра будет интересно и взрослым, и детям. Читая эту литературу, взрослые, по их собственному признанию, расширяют границы сознания, потому что книги для подростков более рискованные и отчаянные.

Если обобщить, травелогам young adult присущи следующие черты: юношеское, культурно незрелое сознание нарратора; стереотипная (легко узнаваемая определённой социальной стратой) образная система; сказочность (композиционные и ссюжетные элементы); описание праздности, беспечности существования как постоянный приём сюжета, перенос внутренних переживаний на внешние факторы, постоянные самокопания и надежда на положительный исход ситуаций. В этих текстах герои наивны, но в то же время стараются подходить к определённым моментам взвешанно и рассудительно.

В травелогах young adult, включенных в данную работу, мы соединили несколько жанров воедино. Тексты ориентированы на подростковое сознание; есть апелляция к романтичности, фантастичности,

идиллическому восприятию действительности. При этом сохранена статичность сознания героя (героини), жанрообразующая для травелогов в целом.

Мы сделали акцент на сказочность, чтобы добиться усиления противопоставления между действительностью и миром мечты (ради эскапизма, о котором было сказано выше). Травелогисты просты для восприятия, в них включены лишь те элементы интертекста и культурные аллюзии, которые могут быть близки усреднённому современному читателю поколения *young adult* (неоднократно упоминались в социальных сетях, кинематографе, беллетристике).

Перед нами стояла задача создать травелог нового типа, поскольку травелогисты в стиле *young adult* не встречались нам ранее. Выбор мест, соответствующих текстам одного цикла, определяется не только жизненным опытом автора, но и его заранее спланированным и изученным материалом, которые отражены в его текстах. Автор выстраивает маршрут, исходя из личных рефлексий и детских воспоминаний.

«Моя сказочная жизнь далеко не сказка»

Много веков назад, когда незамутнённое море так же омывало берега карликового княжества, бесстрашный генуэзец по имени Франческо Гримальди со своей свитой, под покровом ночи, переодевшись в мантии монахов, сумели хитростью завладеть Монако.

Прорвавшись в замок, они целых четыре года держали оборону и сражались с гибеллинами. Тёмное небо висело над княжеством, и в победное зимнее утро солнце навсегда захватило это место. С тех пор герб династии Гримальди прочно укреплён на стенах Монако...

Режиссер:

– Стоп. Снято. Неплохо, но не хватает женщины, мягкости, грации, в конце концов. Нужны нежность и красота, новый взгляд. Нам необходимо цветное кино... И где же отыскать всё это? Вот... Она. Смотрите, вот же она! Тонкая талия, королевская походка, аристократичная внешность... Это Грейс Келли.

Вы чувствуете этот запах? Воздух! Зритель должен почувствовать, что сам воздух изменился с её появлением. Сладость! Воздух подслащённый, он будоражит всё вокруг! Так! Стремительнее, стремительнее... Внимание приковано к ней! Грейс прекрасна, как цветы в её любимом Японском саду. Походка. Пластика. Даём крупный план! Я вижу, как она прогуливается по саду и кружится в запахе цветущей сакуры. Дальше, дальше... Парит над бутонами чайных роз. Неописуемо, но даже камера не успевает ухватить в кадре её плавные движения и струящееся на ветру шёлковое платье.

А с чего все начиналось, спросите вы? Начиналось, как и во всех сказках. Юная девушка и заморский принц встретились и полюбили друг друга. Девушка оставила прежнюю жизнь (пусть не деревенской

простушки, но голливудской кинодивы) и отправилась в свой новый дом – во дворец миниатюрной страны. Блеск, роскошь. К свадебному костюму невесты, смоделированному искусницей кинокомпании Metro Goldwyn Mayer Хеллен Роуз, прилагалась длинная подробная инструкция: его было непросто надеть...

Но полюбили «золушку» не сразу, ей пришлось трудно. Завоевывать любовь своих граждан, в отличие от страсти восторженных зрителей, требовалось очень долго и настойчиво. Время летело стремительно, но у актрисы ещё при жизни получилось стать настоящей принцессой Монако, воплотить сказку в жизнь.

Режиссёр:

– Запах чесночных устриц из «Café de Pari» перемешивается с бензином. Грейси выходит из роллс-ройса под горячие аплодисменты. Амбре воздушного парфюма обволакивает замороженную толпу... Звучание гимна. Её тонкие, длинные пальцы, кажется, успевают прикоснуться к каждому.

Смена плана. Ночь. Включаем фонари. Нужно успеть, пока вокруг никого. Грейс поднимается по извилистым ступенькам вверх, на самую высокую площадку города. Цикады поют ей вслед. Мы снимем её на фоне музея Жака Ива Кусто. Архитектурная громада здания охристо-жёлтого цвета грозно возвышается над дымчатым морем. В этом есть предчувствие угрозы, не находите? Отсвет будущей судьбы. (Сто тысяч тонн камня пришлось завезти из провинции Ля Тюрби для строительства этого памятника неоклассицизма). Как символично: скелеты Океанографического музея и скелеты в шкафу истории...

Принцесса родила троих детей. Дети росли, их младенческая наивность стала перерастать в бунт и непослушание. В какой-то момент в

замке начали бояться за будущее своего княжества. У каждого мелькал в голове вопрос: «Как можно доверить им государство? Что будет с нами?»

Альбера волновали лишь девушки. Младшая, Стефания, выпорхнув из семейного дворца, связывала свою жизнь с «тёмными» людьми и отметилась в прессе многочисленными скандалами. Единственная соблюдающая правила и монархический этикет, – старшая, Каролина – учила языки, осваивала лыжи и конный спорт, но, увы, вынуждена была жить далеко от дома, в Филадельфии, у бабушек и дедушек, чтобы не стать обузой занятым родителям.

Годы пройдут быстро...

Авантюрист Альбер II успеет побывать на Северном полюсе, отличиться в спорте, приживёт двух незаконнорожденных детей, что не мешает ему всё-таки стать действующим князем (разумеется, после рождения его законных наследников).

Режиссер:

– Камеру – в другую сторону! Утром, выйдя на маленький балкон, Грейси чувствует свежий запах лаймовых деревьев. Глубокий вдох. Вот она уже внизу, на лужайке. Катается на резвой лошади; толстые каштаны хрустят под конскими копытами. Потом она садится в свой серебристый Rolls-Royce Silver Cloud, а шейный платок срывается и улетает вдаль. Покажите мне крупным планом платок! Платок!

Дома, растрескавшиеся от жары, уставшие, жадно проглатывали капли дождя. Но, несмотря на свою многовековую жажду, дома Монако стояли спокойно. Лишь щели старых стен, как улыбки Гуимплена, темнели от воды.

Принцесса горячо любила быструю езду. Щекочущее урчание мотора будоражило отчаянную Грейс. Петлистые серпантины она с азартом и

лёгкостью преодолевала лучшие любого гонщика, гоня авто на самой высокой скорости.

Режиссёр:

– Как же я не люблю этот их шум и смог! Но что не сделаешь ради нашей красоты.

Трибуны уже трещат, болельщики ставят ставки на победителя. Начинается старт. Три, два, один, мотор! «Гран-при Монако», вперёд.

Фокус – не туда! Вот она, уже здесь. В княжеской ложе расположилось семейство Гримальди. Келли придерживает свою белую сумочку «Келли». С полным блаженством наблюдает, кто станет первым.

Камеру приближаем... ещё... ещё... Нужно заснять все её переживания, самые мелкие мимические движения. Выражение лица меняется мгновенно, как у младенца. Когда всё заканчивается, Грейси благородно раскланивается со всеми присутствующими (это тоже надо заснять) – и идёт жать руку победителю.

Икона стиля!

Стиль Грейс был безупречен, каждый дом моды мечтал одеть её в свои наряды. Так, дом Hermes и многие другие называли в её честь свои легендарные аксессуары и вещи. Она очень любила подчёркивать свою точёную фигуру и тонкую шею. Каждый её выход сопровождался новым ажиотажем прессы, обсуждением безукоризненных туалетов. Мир копировал её образы. Каждая хотела быть такой, как она.

Казалось бы, она посвятила себя благотворительности, принятой среди светских дам: посещала школы и дома престарелых, возглавила Красный крест. Восстановила госпиталь Монако, открыла детский сад в помощь работающим матерям. Это делают и другие. Но любили – Грейс. За непритворную заботу, за искренность.

Режиссёр:

– Здесь уместная трогательная сцена. Давайте так: Грейс, сидя за столиком в огромной шляпе и попивая стакан холодной воды (просто вода, никаких коктейлей!), накормит голодного рыжего кота, который ласково нежится около её ног. Её улыбка будет по-детски невинной и счастливой.

Грейси нравилось устраивать праздники. В праздник Святой Девоты и в День рождения принца Ренье крохотное Монте-Карло разбухало от количества людей. Звуки пышных фейерверков долетали до соседей: до Франции и Италии. Проходили изумительные балы, где приглашённые хвастались стоимостью и пышностью своих одеяний.

В период яхт-шоу мужчины, с невозмутимым видом, также похвалялись длиной и убранством своих яхт. Вся эта роскошь – обтекаемые яхты, бриллиантовые диадемы, кутюрные сверкающие наряды дам, вкус терпкого шардонье, сохранилась и в наши дни. С пятидесятих годов прошлого века Монако считается одним из самых помпезных. Грейс соединила самых востребованных актрис и гениальных режиссёров, они «отведали на вкус» Монако, и светский бомонд потянулся за ними.

Режиссёр:

– Тихо на площадке! Под прицелом камеры княжеский дворец! Пока все спят, Грейс читает сценарий и репетирует. Она проговаривает слова еле слышно, чтобы никто не проснулся. Её беззвучные движения ровные, но беспокойные. И вдруг разбивается зеркало. Она смотрит на россыпь осколков – я говорю: смотрит внимательно на россыпь осколков! – и видит в них боль, усталость и опустошение... Речь Грейс: “Устала... Нет, я так больше не могу, пора что-то менять”.

После свадьбы приходили письма от режиссёров с настойчивыми приглашениями вернуться на площадку. Как-то позвонил Хичкок, и Грейс не

выдержала. Она хотела сниматься. Муж поддержал, но возмутились жители Монако: «Наша принцесса не должна быть актрисой! Она служит примером для других девушек и образцом стиля!»

Как вытерпеть ежедневный прессинг? Статьи, звонки, плакаты. Муж сдался. Грейс заперлась в своей комнате и не выходила оттуда неделю. Неделю – чтобы вернуться к роли образцовой матери.

Что значит быть счастливым? Наверное, счастье заключается в том, чтобы твои близкие были здоровы и благополучны. Создавать вокруг карманный рай и наслаждаться прожитым днём. А ещё – научиться быть в гармонии с собой. Она пыталась делать это, но гармонии так и не ощутила.

В какой-то момент жизни Грейс, словно лодка при шторме, металась из стороны в сторону, не находя пристани. Краски перемешивались, создавая тёмное пятно. К серебряной годовщине супружества от свободолюбивой и авантюрной Грейс почти ничего не оставалось. Одиночество и страх перед старостью поглощали её с необратимой стремительностью. Тоска о прошлом выливалась болезненными слезами, солёной горечью.

Принцесса убегала из своей крепости и пыталась найти утешение в природе. Подолгу прогуливалась по берегу, наблюдала за тем, как день сменяется ночью.

Режиссёр:

– Какое сегодня число? Десятое сентября. У нас всё готово для съёмки финальной сцены? Отлично, начинаем. Нам нужен красивый финал. Зрители уже грезят, как героиня, обнявшись со своим принцем, провожают летний дождь... Но такой любовный финал, увы, не для этой истории. Любой сказке приходит конец. Принцессы, даже самые любимые и светлые, уходят.

Вот этот поворот недалеко от горной виллы Гримальди вполне подойдёт. Нам нужен обрыв – и много неба. 45 метров! Так красиво может

уйти только Грейси: та, которая всегда грезилась о полёте и не боялась упасть. Оставим за кадром эти пошлые подробности: как настойчивые мигрени повторялись, как она за рулём закричала «Я ничего не вижу!»; как нажала педаль газа вместо тормоза; как рассыпался багаж на задних сидениях, а Стефания пыталась вывернуть руль... Не нужно смаковать эту грязь. Уберём кровь, заблокированную покорёженную дверь, пятна бензина. Пусть сохранится шлейф красоты и памяти.

После неё кино Монако навсегда останется цветным.

Стоп-кадр.

Мистическая Прага

Ночь. На Староместской площади уже не так многолюдно. Сытые голуби сидят на серых крышах домов и с важным видом наблюдают за происходящим. Их уже ничем не удивить. Голем, шумные ярмарки и виселицы на главной площади – чего они только не видели в этом городе. Но...

Прогуливаясь по пражским лабиринтам, можно услышать звуки со всех сторон. Особенно навязчиво они доносятся из-под земли. Словно под ногами есть ещё один город. А почему бы и нет, собственно? В каждом третьем доме Праги есть подвал, а у тех, кто побогаче, – даже два: «верхний» и «нижний». Нижний – с персональным колодцем или искусно сделанным ледником (в королевские подвалы слуги спускались за устрицами, неделями хранившимися во льду). В верхнем подвале держали перины и одеяла; туда моментально спускали документы, если у соседей занимался пожар. Как-никак, город горел по три раза на столетие... А тайник в подвале дома «У Белого единорога»? А подземные мастерские? Пражские подвалы опишет разве что Карел Кукла²¹, да и то правдиво расскажет лишь о перекрёстке под Карловой площадью.

Неизведанная и манящая Карлова удица может завести в самое тайное место. Ноги, как будто замороженные, сами подведут тебя к нему. Спросите меня, что это за дом? Это Дом у золотого колодца. Вода в нём самая чистая и вкусная, а если посмотреть вниз, то можно увидеть дно из золотых монет...

Внезапно Катя осознаёт, что она на протяжении нескольких минут слушает незримого «экскурсовода».

– Что это? Кто здесь? Это очень интересно... но... с кем я разговариваю?

²¹ Кукла Карел Ладислав. Чешский журналист. Автор книги «Подземная Прага, или Приключенческий роман из глубин и лабиринтов пражского подземелья»

Её испуг начинает рассеиваться, когда она оборачивается и видит маленькое и неуклюжее привидение.

– Девушка, позвольте стать Вашим гидом? – интимно шепчет неожиданный собеседник. – Я пришёл, чтобы открыть Вам ту Прагу, которую Вы не видели никогда! Согласны?

– Привидение? Простите... Я такого ещё никогда не встречала. Откуда Вы? Ваше лицо мне смутно знакомо...

– С большой вероятностью, Вы видели его на стокроновой банкноте, – нелепый призрак усмехается и обретает уверенность, – Я – Карл IV. Я всё расскажу, но сначала дайте мне свою руку.

В одну секунду Катино тело плавно и бесшумно начинает подниматься в воздух, и она замечает своё отражение в жёлтых водах Влтавы.

Тьма укутала город. Только маленькие стразы звёзд мерцающе освещают им путь.

– А вот и он, – оживляется привидение Карла.

– Кто?

– Мой мост.

– Ваш? Но, позвольте...

– Карлов мост. Его называли мою честь – в голосе привидения появляются честлюбивые ноты. – Он соединяет самые главные части города: Мала Страна и Старое место. Давай приземлимся, и я расскажу побольше...

(Катю обескураживает столь быстрый переход «на ты», но, вероятно, привидениям королей это позволено).

Карл IV очень тихо начинает свой рассказ. Если загадать желание, стоя точно на этом месте, то оно обязательно сбудется. Поверь и попробуй.

Девушка закрыв глаза и сжав кулаки, нашёптывает своё сокровенное желание.

– Несчастный мой мост! Сколько же тебе пришлось пережить: и нападки врагов и разрушение! – внезапно Карл становится восторженно-

сентиментален. – Но ты выстоял и смог защитить этот Королевский город. Шестнадцать опор из песчаника! И без специального укрепляющего раствора. Честно говоря,— он снова переходит на шёпот, – сущая нелепость произошла с этим раствором. Я приказал собрать куриные яйца со всей Чехии: хотел добавить их в цементирующую смесь. Но эти невежи, сельские жители, прислали мне яйца сваренными вкрутую. Варёные яйца, представляешь!

Мои великие замыслы постоянно искажали профаны и тупицы. Вот эта лестница под готику – разве я её просил? Нет, её пристроили какие-то умники уже в XIX веке. Вынужден признать, что она не так плоха, но сам факт непослушания!

– Шаги? Вы слышите?

– Стража охраняет этот мост и крест. Полетели быстрее, пока нас не увидели. К сожалению, я уже не имею для пражских солдат того авторитета, что ранее. Разве что мои статуи...

Свежий ветер запутывает волосы и не даёт открыть глаза. Чувство невыносимой легкости бытия охватывает Катю. Ещё не оттаявшие деревья хрустят от мартовского холода; тонкий аромат хмельного пива извивается в воздухе и согревает каждый вдох.

– Самое время перекусить, – предлагает Карл IV. – Видишь вон то место? Это самый старый трактир в Праге.

– Но он же закрыт?

– Только не для нас

Трактиру «Krčma U krále Brabantského» уже почти семьсот лет. Войдя в него, девушка переживает настоящее торжество времени: каменные стены, пропитанные плесенью, дубовые средневековые столы, прочно стоящие на тяжёлых ногах, и конечно, пугающие скелеты, вызывающие дрожь.

Весомый, плотный запах жареных сосисок и кабаней рульки ощущается в каждом уголке трактира.

Девушка и призрак присели в самом дальнем углу. Светлое, пузырьчатое пиво накрыто нарядной пеной. Фруктовый кнедик тает во рту, а шкварчащий в сковороде гуляш ждёт своей очереди. Наевшись досыта, Катя увидела, как Карл тихо сопит, опершись маленькой головой на стену. Она подумала, что призраки – проекция её чрезмерного воображения, которое стремится придумывать замысловатые сюжеты и потенциальные сценарии. Пытаясь поймать прерывающиеся, виляющие мысли, целую ночь просидела в трактире; то ли с монаршим призраком, то ли наедине с собой.

Солнце начало резвиться с утра, и в заведении почувствовалось безмолвие, одиночество. Снаружи наступил новый день...

Она гуляла по выжженным от времени каменным мостовым и вспоминала прошедшую ночь. Сон растворился от огромного количества дневных впечатлений. Потерявшись во времени, девушка забрела на улицу Pařížská. Конные экипажи только и успевали мелькать у неё перед глазами. Парижская улица навевала ей воспоминания о столице Франции: стройные зелёные деревья, благоухание кофейных напитков из маленьких кофеен – придавали Праге ощущение чужого города. Как многогранен этот многовековой чешский городок!

Когда она была совсем юной, подростково категоричной, Катя представляла Прагу как средневековый ад: призраки бродяг и убийц; площади с казнёнными на виселицах людьми, окраины дышат запахами зловония; чувство страха живёт в каждом.

Теперь же Прага открывалась ей в чистом и сияющем облики.

Вечер наступил очень быстро, словно день бежал стремительнее самого времени. Распахнутое настежь окно давало ветру ворваться в комнату и охладить её от весеннего тепла.

Когда Катя вернулась с прогулки, она увидела, что маленькое привидение Карла с нежностью рассматривает ночной город за окном. Кремовые дома стали черничными от ночного света. Прага спала.

Выглянув в окно, девушка увидела себя. Фигура двойника была расстеряна и неподвижна.

– Как такое возможно?

– Не пугайся, это всё – временные порталы, как говорят в ваше время. Моя Прага славится ими. Мы способны видеть прошлое и будущее одновременно.

Ступив на подоконник, они вновь полетели, взявшись за руки. С высоты город казался крохотным и по-настоящему королевским. Сильный ветер втянул их в воронку времени: они отправились на несколько веков назад.

Девушка огляделась и рассмотрела лишь затяжную серость.

– Где мы?

– Сейчас ты увидишь всё своими глазами.

Она никак не ожидала, что её детские опасения и сейчас могут быть воплощены в реальности. Тот самый запах гнили, люди с кожей жёлтого оттенка и дороги, впитавшие в себя всю желчь смутных веков. Ей хотелось убежать и смыть с себя грязь, которую чувствовала телом. Но она не могла сдвинуться с места и лишь смотрела, смотрела...

Она различала в глазах людей безысходность и отупение.

Собор Святого Вита был пуст. Холод бесчувственности обмораживал руки.

Зато Карл с удовольствием рассматривал готические узоры, громадные узорчатые люстры, где слегка покачивалось свечное пламя

И многое рассказывал.

– Ты знала, что именно я являюсь покровителем этого Собора?

– Теперь буду знать.

– Посмотри вверх. Внушительные своды, не правда ли? Уверен, что ты не чувствуешь радости. Готические соборы и не призваны пробуждать её: сколько смертей помнит здешняя земля! Брат на брата, в исконном смысле этой фразы (вспомни хотя бы князя Вацлава, убитого братом-язычником).

Мозаика Страшного суда здесь как нельзя кстати. Позолоченные фрески! И звенящий золотой меч архангела Гавриила, помечающего грешников. Никто не скроется от его длани.

Сквозь витражи проблёскивал свет от белой луны, и её тени шпионили за двумя посетителями.

На каждой колонне изображены бюсты монархов. Однако даже здесь, в клыкастой, монструозной средневековой готической громадине запах тёплого, сладкого воска придавал чувство тепла и успокоения.

Путешественница и её таинственный спутник вышли и отправились дальше. На улице было уже не так мрачно, словно за время их пребывания в Соборе прошло несколько веков.

– Прага – ядро Богемии. Где ещё можно встретить город с такой богатой архитектурой и историей? Я так рад, что она сохранилась в своём первозданном виде!

Площадь Пражского града была пустынна. Лишь свет от одиноко пылающей свечи виднелся в заколоченном окне чужой безмолвной квартиры.

– Так вот, – продолжал Карл, – Пражский град – сердце города. Отсюда всё начиналось, здесь пульсировала кровь истории. Толстые крепостные стены обороняли Пражский град и не давали сопернику шанса проникнуть. Хотя, если ты спросишь, Прага, как и любой город, делится на части. Нельзя выделить какую-то одну. У каждой из них своя правда и своё очарование. Например, мы с тобой добрались до Вышеграда.

Старинный Вышеград крепко расположился на холме над Влтавой. С этим местом связано бесконечное количество легенд. Именно здесь было предсказано, что Прага обретёт мировую славу и будет одним из ведущих европейских городов.

– А ещё поговаривают, – Карл IV перешёл на шёпот, озираясь по сторонам, – что раньше в услужении у настоятеля местного храма – Петра и Павла – был чёрт.

– Кто?

– Чёрт! Сам чёрт. Хотел заполучить душу настоятеля (верно, души духовных лиц ценились у них выше светских) и не скупился на труд. Выполнял разные поручения, мелкие и крупные. В том числе должен был приволочь в Вышеград колонну из римского Собора Святого Петра. Чёрт уже подлетал с этой нелёгкой ношей к Праге, как появился сам Святой Пётр и выбил у него из рук колонну. Вон там, видишь, торчат её осколки в назидание всем верующим.

– А чёрту досталась душа настоятеля?

– Кто ж его знает?... Но если тебя так интересуют разные *zlí duchové*²², давай спустимся поближе к реке. Вон он – почтенный Пан Пивода.

Недалеко от берега Катя увидела воронку и тёмно-зелёное пятно. Это был водяной:

– А, Карл, мой дорогой друг! Давненько я тебя не видел. Смотрю, ты не один?

– Верно замечаешь, Пан Пивода! Как твоя работа?

– Как всегда. Не убывает

– Пан Пивода – начальник парохода, – заметил Карл спутнице.

– И я приглашаю вас прокатиться на своём пароходе по реке. Прошу на борт. Я всегда говорю, что жить нужно у воды.

Со стороны Влтавы эти места казались вдвойне сказочными. Старый пароход шёл медленно, так что Кате удалось мысленно сфотографировать каждую подробность: башни, шпили соборов, маленькие часовни... Она едва вслушивалась в то, что рассказывал Карл:

– Раньше вышеградские по выходным ездили поразвлечься в ближайшие деревни. Кто – в Подоли, кто – в Браник. Пока папаши пили пиво в тавернах, а мамыши тешили себя покупками в лавках, детям разрешалось погулять у реки, залезть в воду. Беда в том, что в стародавние времена мало кто из городских мальцов умел плавать. Тонули, конечно. Вот и была работа

²² Нечисть (чеш.)

у Пана Пиводы: вылавливал детские душонки и складывал их в горшочки у себя в глубинном доме. До сих пор хранит он души утопленников. Правда, сказать по чести, Пану Пиводе, как всякому мужчине, больше нравилось самому посидеть в пивнушке за кружкой и картами – верно говорю, друг? (Пан Пивода лишь важно кивнул) – так что хозяева каждой таверны держали тазик с водой на случай его прихода. Чтобы пришёл и опустил ноги. Пан не должен пересохнуть ни снаружи, ни изнутри, – Карл подмигнул приятелю.

При всём дружелюбии Пана Пиводы, девушке было тревожно рядом с водяным. Хорошо, что тот вскоре высадил их около Малой страны и распрощался, сославшись на недосуг.

– Я же говорил, – серьёзно заметил Карл, – что Прага таинственна. Мы стараемся сохранить наши предания, а вы почитаете их за выдумки. Люди боятся тайн и смеются над ними. Многие не хотят верить из-за страха. Просто ко всему нужно относиться с холодной головой, понимаешь? Мир наделён необъяснимыми фактами, и только тем, кто силён духом и добр сердцем, открывается многое.

– Но почему Вы решили показать город именно мне?

– А почему это случается во всех сказках? Вспомни, ты ведь начитанная, – тон Карла IV стал покровительственным. – У тебя доброе сердце. Я очень рад, когда люди с восхищением смотрят на мой город и возвращаются сюда. Ты – одна из тех, кто вернётся.

Помнишь мой памятник у Карлова моста? (Сваял один немец из Дрездена, Эрнст Юлиус Хэнель. Я бы его наградил по-королевски, но он создал скульптуру уже через полтысячелетия после моей смерти). Рядом с этим памятником теперь – моя резиденция. Я наблюдаю за всем со стороны и не могу уснуть. Мне нравится видеть искренние и светящиеся глаза приезжих

Город начал просыпаться. Приближался рассвет ярко-розового цвета. Погода была по-настоящему весенней. Хитрые утки с самого утра давали знать о своём голоде.

Малостранская площадь уже наполнялась торговцами и палатками. Экипажи были готовы к выезду. Город шумел буднично, словно тьма превратилась в пыль и растворилась в воздухе.

Катя обнаружила в кармане куртки чешскую крону и, загадав желание, кинула монету в золотой фонтан в Вальдштейнском саду. А себе на память сорвала цветок и уже представляла, как будет смотреть на него и вспоминать о чудесном приключении.

– Надеюсь, что тебе понравилось наше путешествие, – еле слышный голос Карла казался воображаемым.

– Как, уже всё?

– Мне пора, дорогая. Ждут дела королевской важности. Запомни, что город всегда рад встрече с тобой. Мы обязательно увидимся.

Как только пробило девять утра, ратуша запела. Двенадцать апостолов Пражских курантов вышли из своих келий и кружились, сменяя друг друга с каждым ударом часов. Девушка ещё немного постояла и спустилась вниз на булыжную площадь. Её встретил современный город.

Катя решила, что мистификации, которые предлагает её воображение, вполне достойны стать толчком к написанию нового рассказа. В стиле магического реализма. Или какого-нибудь мистического травелога, почему нет? Недаром же она решила вести путевые заметки в заграничных поездках. В универе им потоянно твердят, что уважающий себя литератор не расстаётся с блокнотом и ручкой. Полезно всё: фиксировать детали, зарисовывать эскизы, просто «бредить» вслух. Так что каждый момент, каждую деталь она старалась запоминать в красках, звуках и запахах.

Путешественница решила ещё раз вернуться к тому дому у Золотого колодца. Она увидела своё отражение в воде.

– Девушка, не хотите прогуляться по Праге?

– Карл, это ты?

– Как Вы догадались, не глядя?

Она повернулась и увидела тучного экскурсовода, переодетого в наряд Карла VI. Стало немного грустно, но в то же время смешно от вида этого нелепого ряженого

– Нет, спасибо, – она постаралась ответить деликатно, – я теперь знаю Прагу такой, какой не знает никто.

– Blazen²³ – невежливо пробурчал гид.

Но девушка не услышала этих слов и отправилась дальше, наедине со своими впечатлениями. Она ждала новых приключений и старого друга Карла.

Ей пришло в голову, что рассказ может быть из двух частей: во второй героиня покажет призраку другую Прагу – город XXI века, которого он почти не знает.

²³ Чудачка, блаженная (чеш.)

Нежный Канн²⁴.

Когда заходишь в море с разбега, то можно почувствовать, как твоя душа возрождается, от холодной воды взмывает вверх. Тело, отпустив душу, расслабляется.

Искупавшись, Катя сидела на песке и с упоением перечитывала на третий раз свою, как ей казалось, священную книгу - талисман «Ночь Нежна». Она представляла себя героиней этой истории. Ещё влажными руками перелистывала страницы и подчёркивала понравившиеся фразы карандашом.

На секунду вынырнув из сюжета, девушка посмотрела наверх и увидела два самолёта, которые только-только набирали высоту. Они летят в разных направлениях, по определённым коридорам, и внутри каждого сидят люди. Точнее, люди ворочаются в креслах, спят, листают журналы, заказывают мерло из авиаменю – всё, как на твёрдой земле, – и каждый пассажир переживает свою историю.

А внизу она, шатенка двадцати лет, живущая немного собственными фантазиями, немного – жизнью героев любимых книг – в приподнятом настроении ловит на себе лучи каннского солнца.

Сегодня – первый лазурный вечер «тростникового» лета. Название Cannes восходит к слову «тростник», но на гербе города, конечно, никакого тростника: пальма и лилии. Русскую девушку очаровывала французская Ривьера. Каждый год в мае она садилась в поезд Москва – Ницца и отправлялась на юг. Французский она знала довольно неплохо, понимала страстную, гортанную речь.

Всю дорогу она смотрела на сменяющиеся картинки и страны за окном и с нетерпением ждала, когда увидит море цвета Тиффани. Она сама придумала это сравнение. Ей нравилось наблюдать, как море меняет свой

²⁴ Во французском языке слово Cannes имеет мужской род, ед.число. В русском варианте допустимы оба варианта названия: Кан (Канн) и Канны.

цвет. От бирюзового до серого, в зависимости от погоды. А иногда морские полосы блестели всеми оттенками синего.

На табло выскочило «Cannes», и девушка спешно стала собираться. Люди толпились у выхода, и она с нетерпением рвалась наружу, чтобы быстрее вдохнуть средиземноморский воздух. Вылетев наконец из душливого вагона, Катя перебежала на третью платформу, на котором её уже покорно ждала электричка в Канн.

Gare de Cannes²⁵ расположена достаточно далеко от моря. Но девушка азартно и вдохновенно пошла пешком с электрички, несмотря на свой тяжёлый груз. Впрочем, чемодан покорно трусил за ней, подскакивая у переходов на ребристой разметке для слепых. Водители автомобилей пропускали Катю через дорогу. И море было, в прямом смысле, уже не за горами.

Запах «moules à la crème»²⁶ заставил проголодавшуюся путешественницу присесть в одном из кафе. Глянцевые чёрные створки, с которых стекал белый сок, с хрустом ломались пополам и раскрывали домик морского жителя. Огромная кастрюля с бесконечными моллюсками, казалось, никогда не опустошится. Но худая и голодная Катя не оставила ничего; последнюю корочку хлеба пропитала этим соусом и съела, гордясь собой.

Жизнь кипела. Лохматый гаврош возвращался с пляжа с огромным надувным матрасом-дельфином, местные аристократичные бомжи, размахивая пустой бутылкой «Dom Perignon», горланили во всё горло родные французские мотивы.

Катю встретила скромная, светлая квартира на Rue de Antibes, с которой открывался фотографический вид на длинную косу пляжей и дворец Фестиваль. С моря он выглядит как круизный лайнер, неожиданно

²⁵ Станция Канн (франц.)

²⁶ Мидии в сметанном соусе (франц.)

выбросившийся на сушу. А вот вблизи не впечатляет: стекло и бетон. «Лё бункер», – дразнят местные.

Ещё с вечера Катя начала ждать утреннего праздника. Она засветло вернулась с моря, убрала роман Фицджеральда, усилием воли уложила себя спать пораньше, а с утра воодушевлённо приготовила себе настоящий *dejeuner*²⁷ на террасе: терпкий чёрный кофе, маслянистый круассан с двумя шоколадными дырочками, похожими на крохотные глаза, и нарядные макаронсы. Невзрачный утренний стол по мановению руки перевоплотился в роскошно сервированный. Зашла на кухню за сливками и, вернувшись, обнаружила на террасе двух незваных гостей. Жирные, бессовестные чайки уже попробовали её завтрак. Теперь они тяжело поднимались в небо, избегая глядеть её в глаза. Катя вдруг поняла, что есть не хочется; ей не терпелось выскочить из дома.

На красной, недавно выбитой от пыли, дорожке замерли журналисты и фотоохотники, которые надеялись заполучить самые лучшие кадры мировых звёзд. Сегодня был знаковый день для всех жителей – Каннский кинофестиваль начинался. В эти дни город был ещё беспокойней, тесней, чем обычно. Актрисы, музыканты и критики – на каждом квадратном метре. Катя представляла, как она идёт в роскошном наряде под вспышки фотокамер к заветной пальмовой ветви. Двадцать четыре ступени славы.

Ей нравились эта суматоха и ритм фестивального города. Как штопор в игристое, она ввинтилась в бурлящую толпу, на ходу перелистывая блокнот и доставая ручку. Нет, Катя не была аккредитована ни «L'Humanité» ни «Le Dauphiné Libéré»²⁸. Но она сосредоточено записывала впечатления дня и нужные ей детали – для своей будущей прозы. К тому же оставался большой соблазн почувствовать себя одной из этих киноведов, причастных к бомонду, и как-нибудь пробраться внутрь.

²⁷ Завтрак (франц.)

²⁸ Французские газеты, освещающие в том числе новости культуры

Шумная орава представителей прессы, папарацци и удачливых зевак затягивала главных героев этого праздника в водоворот одержимости.

«Autographe... autographe!» – галдела улица, но актёры поспешно удалялись в свои номера от назойливых «цикад». К сожалению, у девушки не получилось попасть внутрь Дворца кинематографии: и без неё хватало хитрюг, выдающих себя за журналистов, фотографов, продюсеров. Но Катя надеялась лицезреть именитых гостей следующие дни, просто прогуливаясь по «звёздной» набережной Круазетт. Для июньского Канна это было нормой – встретить на улице голливудскую диву или, скажем, члена французского парламента. «Принцы, принцы, повсюду принцы», – это ещё Ги де Мопассан писал о Канне. В конце девятнадцатого века, между прочим.

Присев на скамью цвета индиго, молодая писательница вполглаза смотрела живую киноленту улицы, думая о своём. Люди понемногу расходились. Девушка вспомнила фразу Годара: «Мне жаль французское кино, потому что у него нет денег, и жаль американское – потому что у него нет идей». «Годар. Идеи» – написала она в блокноте и пририсовала изящный вопросительный знак. Когда Каннский фестиваль только задумывался, никто не говорил об отсутствии идей или денег. В тысяча девятьсот тридцать восьмом тут собирались показывать разную экзотику. Американского «Волшебника страны Оз», например. Советского «Ленина в 1918 году». Но помешали именно идеи. Идеи Гитлера. В тридцать девятом началась война, и фестиваль пришлось отложить. На целых восемь лет...

Кино вернулось к людям вместе с ощущением жизни. Специально построенный в Канне дворец со временем стал маловат. Приезжали Бергман, Антониони, Феллини, Вайда, Бунюэль, Куросава... Потом выстроили эту громаду, «лё бункер», тридцать пять тысяч квадратных метров.

На улицах стало совсем пусто. Пора было возвращаться в съёмную квартиру. Легенды мирового кино спрятались в своих красивых гостиничных тюрьмах. Город уснул, но ненадолго...

«Monica, Sofi, Woody, Aronofsky!» – вопили зеваки. Катя высунула своё заспанное лицо наружу. И правда, все собрались в одном месте. Красивые, гордые, одновременно достигаемые и слишком чужие знаменитости сегодня на рассвете покорно крутились перед камерой. Катя минуту поколебалась и – вернулась в кровать. Она вдруг почувствовала, что живёт рядом с ними, в одном маленьком киномире, и ей этого достаточно. Совершенно не требуется гнаться за звездой, тянуться, прикасаться к ней. Ей больше не хотелось лезть в толпу.

Праздник продолжался больше недели. Катя смотрела новости о кино, слушала разговоры о кино, постоянно записывала. Казалось, Канн не интересует ничего, кроме обсуждения премьерных показов, вечерних платьев Тильды Суинтон или Энди Макдауэл, скандального поцелуя Моники Белуччи и Алекса Лутса.... Но когда наступил конец фестиваля, город вернулся к своей прежней, скучноватой курортной жизни.

К началу июня солнце прогрело море и песчаное побережье. Но на пляже было ещё совсем мало людей, и этот факт не мог не радовать. Умиротворение, и полный покой. Облачившись в купальник в стиле pin-up, Катя отдыхала на общественном пляже возле Пале де Фестиваль, вытянув ноги.

Огромные лайнеры с десятиэтажный дом высились над поверхностью моря. Сородичи поменьше, остроносые яхты, смотрелись маленькими детскими игрушками на фоне могучих соседей. С тех пор, как Поль Синьяк написал свою «Гавань в Каннах», парусников в ближайшем порту явно поубавилось, а вот роскошных круизных отелей становилось всё больше. От каждого ленивого движения гигантского катера море штормило, но для купающихся это становилось забавой, возможностью попрыгать на волнах. Клеманс тоже любила ловить настроение волны. Страхивая песок с порозовевших голеней, она по-детски плюхалась в море и каждый раз почти доплывала до ускользающего горизонта. А потом закапывалась в переливчатый песок Ривьеры. Пляжи в Канне называют «золотыми», и это не

только метафора дорогой жизни Лазурного берега. В местном песке содержатся мелкие частички разных минералов: немного кварца, сердолика, серебра. Если набрать горсть песчинок и взглянуть в неё, стараясь не нарушить хрупкого баланса микромира своим дыханием, увидишь эти прекрасные цветные скрупулы.

Обсохнув, довольная, с солоноватой кожей (лизнула собственную руку), Катя шла на рынок «Marche Forville». Красно-рыжий бетонный навес, под которым располагался рынок, напоминал вокзал. Прилавки ломились от изобилия: сыры, колбасы, свежая рыба и устрицы. Катя обожала вкусно поесть! Девушка болтала с продавцами, и они рассказывали её об африканских фруктах, о неурожае оливок в прошлом году, травили байки о туристах, не забывая при этом ловко переключать руколку и расставлять картонные коробочки с клубникой.

Она набирала всего, и даже не по чуть-чуть. Панорамные окна в кухне выходили в старый центр города. С таким видом за окном готовить было вдвойне приятно. Дорато послушно томилась под ветками розмарина. Нежная, политая соком лимона рыба прекрасно сочеталась с «Bellini»²⁹.

Один раз она так и уснула на chaise longue³⁰, пока её не разбудил дождь, пришедший из соседней Италии. Море было цвета графита, на берег выплёскивалась грязные потерянные «сокровища»: окурки, бутылки, ошметки пластика. Море в непогоду словно освобождалось от переизбытка предметов, потерянных или переданных ему людьми.

Шляпы чернокожих пляжных продавцов взлетали и кружились, как заведённая карусель.

Но и такое состояние природы было полно неги.

Клеманс никогда не понимала людей, жалующихся на погоду. Она любила все времена года. Её счастье не зависило от климата и от сезона. Будь то мокрый снег в Реймсе, дождь или ураган на побережье, Кате легко

²⁹ Коктейль из шампанского и персикового сока.

³⁰ Шезлонг (франц.)

было увидеть видеть в них прекрасное. Писательский талант, по её мнению, заключался в мысленном преображении мира.

«Может быть, это потому, что я фантазёрка, – думала она. – Все говорят, что я непрактична. Всё время представляю себя кем-нибудь». И вновь обратилась к книге Фицджеральда. Ей нравилась красота Розмэри, её юность, лёгкость, воздушная походка. Она сопереживала чувствам героини, как будто сама только что пережила роман. Она быстро уходила в книгу и могла жить в ней целыми днями.

Пока она читала, ветер стих, и Канн вновь приобрёл жёлто-зелёную окраску: посветлели деревья на бульваре, лечебницы, квартал Ле Сюке. Пора было прогуляться.

Квартал Сюке расположен на горе Шевалье – напоминание о истории возникновения этого места. Защищённый высокими кирпичными стенами, старый город нависает над новым. Хотя сейчас от старого города остались лишь руины, ведущие к крепости и готической церкви. «Душой» этой горы является башня четырнадцатого века. С высоты открывается город с бирюзовым кантом моря. Катя в июле часто поднималась к башне на «Ночи Сюке», послушать классическую музыку: концерты для туристов проводились здесь регулярно.

Сейчас, в июне, папёрть перед башней пустовала. Старый город не отпускал, и запах сырости, доносящийся из многовекового собора, казался рудиментом средневековья. Спускаясь вниз, девушка даже позавидовала людям, живущим вблизи крепости. Каждое утро видеть гавань, бесконечное небо, белые яхты, само по себе, – панацея от любых болезней. С таким видом из окна невозможно быть несчастным. Девушка достала из сумки свой блокнот и вновь сделала запись.

С полудня и до вечера почти все обеденные зоны в Канне закрываются на сиесту. Дамы в это время прогуливаются по магазинам, а их мужчины рассматривают припаркованные машины арабских шейхов. В черте Канна не встретить частных домов, они расположены за городом. На

ухоженных холмах или на берегу бескрайнего моря есть особнячки на любой вкус. От роскошных вилл до тихих уединённых шале. Каждый по-своему привлекателен.

Насыщенный июнь подходил к концу. Июль наступал на пятки. В прошлом итальянский, курортный Кан, сохранивший культуру и архитектуру от прошлого хозяина, постепенно наполнялся туристами.

Девушка, как все местные, научилась подмечать особенности туристов из разных стран. Например, русские и американцы явно отличались друг от друга. Катиних соотечественников было видно издали: холёные и разодетые, они являлись неотъемлемой частью города. Впечатались в него, как в дагеротип девятнадцатого века. Родная русская речь стрекотала повсюду. Популярности Канна среди русских способствовало прошлое. Катя знала, что ещё до революции Романовы облюбовали этот берег. Не случайно один из прибрежных бульваров до сих пор носил имя Александра II.

Американцы отличались непосредственностью. Из-под светлой одежды торчит белье, чёрное, как африканская кожа... Если не знать, что Голливуд находится в Соединённых Штатах, можно подумать, что аристократические актрисы и их избалованные продюсеры приезжают из России. Этот контраст между «звёздами» и обывателями забавлял Катю.

Теперь для того, чтобы занять себе лежак, девушка встала рано, в семь утра. Официанты давно подготовились к пляжному сезону. Шезлонги уже были раскрыты, как зрелые бутоны, и ждали момента, чтобы спрятать под зонтом или под тонким палантином всех, кто боится сгореть.

Наличие красного флага на пляжах очень расстраивало девушку. Это означало, что медузы были готовы ужалить отдыхающих. Один непослушный ребёнок всё же забежал в воду и поплатился за своеобразие. От

его жалобных воплей звенело в ушах. Растерянная мать уже хотела вызвать Ambulance³¹, но всё благополучно обошлось, плач утих.

Клеманс часто оставалась на пляже до вечера. Даже когда все расходились, она в одиночку шлёпала босиком по кромке моря и думала о себе в третьем лице, как о героине литературного произведения...

Сегодня подняли синий флаг. Это значит, что море открыто для всех желающих. Не пожалев пяти евро, Катя, быстро перебирая педали на катамаране, поплыла в глубину. Отплыв на значительное расстояние, она спустилась с катамарана в воду и легла на спину. Вода попадала в уши, поза напоминала морскую звезду. Расслабленность.

Она думала о том, как хорошо жить. Её тело свободно держалось на воде, волны создавали ощущение мягкости.

Катя возрождалась.

Август.

Рекламные столбы ещё за неделю до фестиваля фейерверков оказались обклеены афишами в несколько слоёв.

Праздник фейерверков – это не просто запущенные в небо разноцветные петарды, это целое драматическое представление, которое проходит в Канне на протяжении пятидесяти лет.

Такое буйство красок Катя видела только здесь. Пять - шесть команд из разных стран стремятся поразить зрителей пиротехническим шоу. Не менее получаса на спектакль. Жюри оценивает оригинальность темы, композицию, музыку, световые эффекты и даже ритм выстрелов! За самый фееричный показ полагается приз.

Вечером накануне фестиваля бульвар был перекрыт. Отдыхающие вытаскивали из отелей раскладные стулья, некоторые усаживались под соснами для лучшего обзора. Катя присела рядом с остальными.

³¹ Скорая помощь (франц.)

Огни вспыхивали и гасли под музыку Моцарта, Чайковского и Рахманинова. Китайская делегация всегда была вне конкуренции. Первый хлопок – и черничное небо озарилось ярко-красными сердцами и голубыми купидонами, стреляющими в них.

Испанцы «блеснули» золотыми пальмами и серебряными кристаллами. Мерцающее пламя освещало лица зрителей, показавшиеся Катя древними в огненном свете. Эти древние не спешили покидать побережье: выпивали, пели что-то несусветное, праздновали вечный карнавал бытия...

Люди расходились уже перед восходом солнца. Домой не хотелось. Катя пошла встречать рассвет. Чистящие машины уже были тут как тут; ползли вдоль бордюров, как многоножки. Кате не хотелось спешить. Ей казалось, что у неё ещё было достаточно времени, хотя бархатный сезон сентября уже подошёл...

Самолёты отталкивались от полосы и развозили отодхнувших по домам.

Взлетая, Катя увидела в ночном небе яркую, ослепляющую вспышку. Она расценила её как знак и прошептала: *часто бывает, что с какого-то пустякового эпизода начинается важная полоса в жизни человека*³².

³² Цит. из: Ф.С. Фицджеральд «Ночь нежна»

Ароматный Прованс

Прованс – это то место, где пахнет сушёной на солнце травой. Лавандовые поля расстилаются в лоне старых Альп, и сочные томаты лопаются от сока, скопившегося в них.

Он расположился высоко в горах, на юге Франции. Когда встаёшь рано утром, чтобы вдохнуть свежий альпийский воздух, то можно увидеть, как в кустах на тебя смотрит дикий олень, и взгляд у него извиняющийся.

Прованские дома – единообразные белые здания с оливковыми крышами и собственными цитрусовыми садами. Если заглянуть внутрь, то там тоже всё в белых тонах: буфет с посудой, белёный камин, стул с кокетливой кованой завитушкой. Разноцветная плитка на полу, старенькая, но изящная мебель в пастельных тонах, на которой, словно статуя, слившись с плиткой, сидит хамелеон, который, как незванный гость, решил зайти в дом. Сидит, пыжится и не уходит. Диваны и кресла укутаны свежевывстиранными чехлами, а с коричневой веранды открывается вид на бескрайние виноградники.

Художники всего мира приезжают в эти места, чтобы запечатлеть на своих полотнах яркие пейзажи и продегустировать вкус местных вин.

Катя давно мечтала сбежать поглубже в Прованс. Суета мегаполиса в последнее время обессиливала и усыпляла девушку и наводила тоску.

Как только Катя почувствовала запах, богатый новыми оттенками, её глаза цвета бронзы округлились и улыбнулись. Она уже здесь, подумать только! И как же прекрасно путешествовать одной. Песочное льняное платье и соломенная шляпа сливаются с деревенскими тонами: словно сразу приросла к месту, сжилась с ним.

Она вспомнила, что с самого утра ничего не ела, но местные café были закрыты. Единственным спасением оказался крохотный безымянный

рыночек в переулке. Катя купила длинный свежий багет, козий сыр и маленькую бутылочку трёхлетнего rose. Можно жить дальше!

Даже сквозь шляпу она чувствовала, как солнце припекает макушку. Спрятавшись от него на террасе своего временного дома, девушка очень медленно ела. Наслаждаясь вкусом еды и напитка, смотрела вдаль так долго, что от яркости у неё слезились глаза. Ничего не происходило, и в то же время казалось, что именно сейчас происходит самое значительное. Здесь каждый день был уникальным. Каждый день – настоящее Сегодня.

Сегодня было тихое утро, и слабый ветер с запахом парного молока обдувал комнату. Чистая, накрахмаленная простыня соскальзывала с тела. Очень плавно Катя просыпалась. Пора было познакомиться со Грасом поближе. Старине Грасу уже более десяти веков. Он приятельствовал с Наполеоном, давал пристанище Бунину и королеве Виктории, стал последним другом для Эдит Пиаф...

Весь центр Грасса – это спуск и подъём, спуск и подъём. Крутые узкие проулки, опасные для каблуков; прижатые к стенам столики кафе... Под каменной аркой у Cathédrale De Grasse девушка завтракала пышным круассаном, чёрным кофе и вдыхала разнородные запахи.

Озираясь вокруг, Катя вспоминала сцены из книги «Парфюмер», и ей казалось, что она перенеслась на несколько веков назад. *“В аромате есть убедительность, которая сильнее слов, очевидности, чувства и воли. Убедительность аромата неопровержима, неборима, она входит в нас подобно тому, как входит в наши лёгкие воздух, которым мы дышим, она наполняет, заполняет нас до отказа. Против неё нет средств”.*

Она понимала страсть Гринуя: ей была понятна восприимчивость к запахам. Амбре, вкус, температура вещи... «Катерина, ты точно кинестетик!» – удивлялись подружки. Но зачем вешать ярлыки? Просто запахи волнуют сильнее, чем остальное: они внерациональны, обращаются прямо к подсознанию.

На улочках с раннего утра лавочники открывали двери своих магазинов. Ставни на окнах распахивались, и из сонных комнат с любопытством выглядывали рыжие горшки с яркими фиалками и асфоделями.

Плывя по крутым бежевым улочкам, вспоминала, как в книге Патрик Зюскинд описывал мрачный дух вони и грязные мостовые. *В городах того времени стояла вонь, почти невообразимая для нас, современных людей. Улицы воняли навозом, дворы воняли мочой, лестницы воняли гнилым деревом и крысиным пометом, кухни — скверным углем и бараньим салом; непроветренные гостиные воняли слежавшейся пылью, спальни — грязными простынями, влажными перинами и остро-сладкими испарениями ночных горшков. Из каминов несло верой, из дубилен — едкими щелочами, со скотобоев — выпущенной кровью. Люди воняли потом и нестираным платьем; изо рта у них пахло сгнившими зубами, из животов — луковым соком, а из тела, когда они старели, начинали пахнуть старым сыром, и кислым молоком, и болезненными опухольями. Воняли реки, воняли площади, воняли церкви, воняло под мостами и во дворцах.*

Со временем эта чернота вымылась, и от неё ничего не осталось. Ничего, кроме памяти запахов.

Море едва просматривалось в расщелинах между горами, но его выразительный запах и привкус горечи сильно ощущались.

На маленьком авеню Chemin des Mas девушка увидела тележку с мороженым, и ей очень захотелось его попробовать. Можно было выбрать необычное: со вкусом лаванды, печенья или оливок. Она обычно опасалась новых блюд с экзотическим вкусом, но вдруг решилась на все три шарика. На жаре они очень быстро таяли и стекали на землю, руки девушки были липкими, но она продолжала есть цветное мороженое. Сиреневый, палевый, горчичный цвета перемешивались, как масляные краски на палитре.

Так, пробуждая цвет и пробуждаемая цветом, она добралась до центра города.

На центральной аллее Place du Cours девушка увидела серый, растрескавшийся от времени фонтан времён Французской революции. Вода в нём была прозрачной и чистой, как будто утренняя роса наполнила его. Опустив в него свои загорелые руки, почувствовала приятный холодок.

Присев на край фонтана, Катя принялась наблюдать за туристами и местными жителями. Их было легко различать. Туристы паровозиком шли за гидами, щёлкали камерами телефонов, открыв рты, слушали историю города. А жители с соломенными корзинками возвращались с рынков, где выбрали спелые овощи и весомые куски мяса для ужина.

Впрочем, Катя тоже была готова к роли туриста. Следовало познакомиться с достопримечательностями: не всё же сидеть у фонтана с блаженным видом. Резкий, назойливый запах привёл её на знаменитую фабрику духов «Fragonard». Название фабрика Фрагонар получила в честь французского художника Жан Оноре Фрагонара, отец которого производил душистые перчатки. Кожаные перчатки, пропитанные различными ароматами.

Флаконы для приготовления духов переливалась в лучах солнца. С лепестков пионов сочилась утренняя роса, и густые белые облака, словно щит, оберегали их от грозного ветра. Одурманивающее амбре. Ей непременно захотелось что-то купить себе на память. Взгляд девушки плутал между пузырьками.

И тут, словно по щелчку, – «Belle de nuit».³³ Этот аромат захватил её: сладкий, тонкий, раскрывающейся ближе к ночи, с нотками свежей сливы, оставляющий за собой шлейф дорогой непальской розы. Прижав заветный «флакон счастья», Катя выпорхнула из здания.

Сегодня ей очень сильно захотелось повыше в горы. Усевшись в душный автобус, она прижалась носом к стеклу. Нервно сглатывала на каждом витке страшного серпантина, ведущего вверх.

³³ Ночная красавица (франц.)

Это был уже не Грас. Розы Сентифолии и жасмин парфюметной столицы мира остались внизу. В Провансе очень много красочных городков со своей историей. Автобус привёз Катю в Ванс: городок писателей и художников, где сохранились памятники античности и храмы.

Гостеприимные провансальцы с радостью готовы принять и угостить новых знакомых в своих семейных ресторанах и отелях. Вот и в этой миниатюрной домашней гостинице номер был полон мелочей, выражающих заботу о постояльце.

На прикроватных столиках стояли пепельные вазы, около одной из них лежала записка и кусок домашнего цитрусового мыла с надписью «bienvenue»³⁴.

Местные деревушки славятся своими династическими ресторанами, которые передаются из поколения в поколение. Целые семьи – отец, мать, дети, внуки – угощают самым лучшим, натуральным. Чёрные железные столы были накрыты хлопковыми скатертями кремового цвета. Поужинать путешественница решила на веранде. Домашний хлеб и сыр – это обязательно! Но ей непременно захотелось отведать сочный стейк с кровью и красное жгучее вино. А потом, увидев, как соседняя парочка заказала себе по десерту, она немедленно попросила такой же. Мягкий шоколадный мусс, покрытый сливками, – снег, тающий по весне в высокогорье.

Пожалуй, это было чересчур. Отяжелевшая, раздражённая своей гастрономической неводержанностью, Катя заставила себя отработать калории – поднялась до капеллы Розария. Приземистую часовенку по праву называют капеллой Анри Матисса, он стал её «отцом» Матисс сделал для неё алтарь, оконные витражи, резьбу деревянной двери, распятия и подсвечники. «Не я выбрал эту работу, судьба определила мне её в конце моего пути, моих поисков, и в Капелле я смог объединить и воплотить их». Наверное, хорошо, когда ты понимаешь своё предназначение, подумала Катя. Создавать гораздо лучше, чем просто наблюдать. Она не придумала, что записать в блокнот,

³⁴ Добро пожаловать (франц.)

поэтому просто перерисовала абрис образа Святого Доминика. Матисс создал его без черт лица, обведённым лишь контуром. Интересно, как в ту пору церковь приняла его смелые фовистские эксперименты?

Капелла очень проста, а изображения условны. Ванс вообще выглядит городом, познавшим силу простоты. Всё здесь маленькое, не претендующее на величие, безыскусное: фонтан на площади Пейра камерный, словно должен стоять в чьём-то саду и лишь по ошибке венчает перекрёсток. Самая маленькая площадь мира – la place Vieille. Какая же это площадь, – улыбнулась Катя, – просто тупик в конце улицы. Было бы интересно написать драму в трёх действиях, которые разворачиваются на этом маленьком пятачке.

Сегодня, ранним утром, когда ещё птицы не пропели свои серенады, Катя собралась в путь. Накрыв голову шляпой в стиле «Прованс», побросав вещи в соломенную сумочку, побрела дальше искать вдохновение.

Кладбище Сен-Поль-де-Ванса было немногословным, манящим и возвышенным. Толстые каменные памятники под надзором пальм придавали этому месту оранжерейную красочность.

Пожилой мужчина ловко орудуя граблями, прибирал участок.

– Excusez-moi comment trouver la tombe marche à pied?³⁵ – Катя придержала шляпку.

– Mademoiselle, vous devez aller droit elle sera troisième.³⁶

– Merci

Плита, на которой было отчётливо выгравированно имя художника, казалась таинственной, со множеством секретов.

В голове всплывали образы его знаменитых картин: «Прогулка», «Я и деревня». Катя любила подолгу смотреть на них и искать скрытый смысл. Наверное, не случайно, здесь, в Вансе, чувствуешь покой, думая о Шагале.

³⁵ Извините, как найти могилу Марка Шагала? (франц.)

³⁶ Вам нужно пойти прямо, она будет третьей (франц.)

Как-никак, он прожил в Сен-Поль-де-Вансе последние двадцать лет. Шагал – единственный художник, который примирял верования и концессии: расписывал и синагоги, и костёлы, и лютеранские церкви. На его могиле нет памятника: его интересовала красота жизни, не смерти.

Выйдя из кладбища, она вздохнула. Ворота за спиной мирно закрылись. Катя услышала шум воды. В расщелине каньона текла горная река Луп. Облокотившись на перила мостика, путешественница отдыхала и продумывала дальнейший маршрут.

В дорожном списке Кати присутствовал ещё один очаровательный прованский городок Mougins. «Мужен, – попробовала Катя название на вкус, – Мужен, Мужен». Этот провинциальный город совсем не прост. Он перенасыщен питейными заведениями, монументами и людьми. И туда вполне уместен гастрономический вояж!

В ресторан «Мулен», гордо носящий мишленовские звёзды, попасть непросто: бронировать стоит аж за две недели. К счастью, Катя об этом знала и позаботилась заранее. Ради торжественного выхода любительница образов выбрала вечерний наряд и не побоялась надеть туфли с каблуками в городке булыжных мостовых. Немного помпезности поездке не помешает.

Катя стремилась преодолеть свою гастрономическую консервативность. Но что выбрать? Трюфели – пошлово, голубь – как-то страшно, помидоры с клубничным соусом? Брр... В конце концов она остановилась на скромном салате с травами, муссе из тыквы и каштанов, на тушёных корнях сальсифи³⁷. Но пусть хотя бы десерт останется классическим! Фирменный лимонный пирог с меренгами? Да, подойдёт.

Как положено именитому заведению, кухня была очень своеобразная, да и подача. Девушка выбрала сет из трёх блюд. Она изумилась, что на огромной белой тарелке ей вынесли крошечные порции. Четыре маленьких

³⁷ Однолетнее травянистое растение. В просторечьи «козлобородник» или «чёртова борода».

разноцветных пятнышка – пюре из устриц, каракатиц, тыквы и шпината. Такого она не пробовала никогда!

Едва ли Катя была одной из ценительниц тонкой кухни, она всё больше убеждалась в этом (особенно после белых тушёных корней сальсифи). Но десерт искупил бы любое гастрономическое испытание. Кисло-сладкий, терпковатый вкус лимона расслабил сознание. Катя откинулась в кресле и с гордостью подумала, как расскажет о «Мулен де Мужен» своим избалованным друзьям.

Мужен был прекрасен, и старый и современный

Её новое место проживания находилось в самом сердце города, возле центральной площади. Площадь была необычная. Местные жители называют её «раковиной» из-за нестандартной, хитрой застройки: улочки с парками разбегаются от площади по спирали. Здесь легко и не страшно заблудиться: всё равно выйдешь в прекрасное место, то к сувенирной лавночке, то к панорамной площадке над морем.

А ещё внимание девушки привлёк прозрачный лифт прямо на улице. Он медленно скользил по склону, с верхней площади на нижнюю, как улитка в той самой раковине. Прозрачная улитка. Отсутствие стен, потолка, пола... Конечно, она испытала своё courage³⁸. Непередаваемое ощущение для осторожных особ: будто ты находишься в капсуле, которая вот-вот разорвётся.

В вечернее время фонари освещают открытые магазины, где с каждой витрины продолговатыми глазами глядят копии картин Пикассо. Да-да, Катя знала, Пабло Пикассо любил эти места. Его дом - мастерская находился совсем недалеко от Мужена, он и умер там. Но абсолютно каждый житель, да и турист, помнит о нём.

Сегодня под звуки посуды и голосов людей с улицы девушка нехотя открыла глаза. Она молча вела разговор сама с собой. Перелистывала

³⁸ Мужество (франц.)

заметки, появившиеся в блокноте за последнюю неделю. Ей хотелось вернуться в Москву, запереться в своей маленькой квартирке и писать новые рассказы, но, с другой стороны, она даже не хотела представлять, что это путешествие закончится. В голове мелькнула мысль остаться здесь. Каждое утро вставать, идти за багетом, игристым вином и веткой винограда, прижиматься к стенам домов, пропуская на непроходимых улочках парней на веспах. Спрятаться от вечной беготни в этом ни на что не похожем мире.

Да, можно погрузиться в него, но только в том случае, если ты способен прочувствовать его изначально, как будто ты всегда был здесь, ты – часть Прованса. Поверхностным людям может понравиться обёртка, но самое важное – это сохранить бескрайнюю лавандовую глубину; сберечь, как парфюмер, запахи, которые позже будут чудиться, вспоминаться внезапно в любом другом краю, где бы ты ни был.

Отъездное платье очень шло Кате. Оно было сиреневого цвета. Точнее сказать, лавандового.

Волшебный Марракеш

Самолёт ещё полз по полосе. Пассажиры, отхлопав благодарность пилоту, потянулись к багажным отсекам за ручной кладью. Застучали застёжки сумок и колёса чемоданов. Но она крепко спала, и бортпроводнице пришлось потрясти её за плечи: «Мадам, трап уже подан, пора на выход».

Ажурные стены аэропорта «Менара» – идеальные ромбы, словно пахлава, уложенная рядами. Воздух окутал её плотным студенистым горячим кольцом. Катя представила себя мухой в янтаре и, улыбнувшись, подумала: «Похоже, здесь я увязну в каком-нибудь сомнительном приключении!»

Как только балетки коснулись раскалённого асфальта и в ноздри ударил пряный воздух сказочного Марракеша, у неё не осталось сомнений, что это случайное по сути путешествие не случайно подарено ей какой-то высшей силой. Катя, привыкшая к чинной Европе, не была раньше на Востоке. Но всегда хотела ощутить его пряный, сладкий аромат.

Миновав паспортный контроль, она пробежала взглядом по людской туче у выхода. В толпе было сложно найти кого-нибудь определённого – только неоформленное цветное пятно – но медленное движение гудящей тучи всё же вынесло её на площадь перед такси. Таксист, полный мужчина арабской внешности с капельками пота на лбу, выглядел маленькой тучкой, отделившейся от большого, многолюдного семейства.

Поездка до центра заняла каких-то сорок минут, но за это время Катя сумела разглядеть в мозаике марокканского пространства жаркую прелесть. Мимо неслись седоватые оливковые деревья. Яркое палящее солнце плавилось на окнах и текло маслом по обветшалым терракотовым зданиям. Женщины, как сомнамбулы, уплывали в своих странных одеждах. Мавританская сказка завораживала европейскую девушку всё более и более.

Добравшись до отеля, она мгновенно ощутила, как он пропитан дурманящим запахом специй. Восточные колонны казались пестами,

растирающими в ступке отеля шафран, кардамон, семена нигеллы, сушёные бутоны лаванды...

В комнате достала из чемодана наряд, подготовленный специально к этому путешествию. Чёрная чалма и ярко-зелёная джеллаба³⁹, расшитая бархатом и дорожкой из разноцветного бисера, превратили её – с удовольствием подумала Катя – в настоящую восточную красавицу. Она скользнула в центр, двинувшись прямо к площади Джемо-Эль-Фна, где, как и описывалось в путеводителях, гудел несмолкаемый карнавал: музыканты гнауа⁴⁰, танцоры, фокусники, заклинатели змей, дрессировщики обезьян, старухи-гадалки, сморщенные, как сушёные финики, сказочники. Артисты собирали зевак в кружки. Этот вечный суфийский хоровод кружился по площади, поднимая оранжевую пыль. Она знала, что загадочное название площади переводится как «собрание мертвецов». Когда-то здесь продавали рабов и казнили негодных. Теперь жарят баранину и раскрашивают тела хной.

Переходя от группы к группе, Катя заметила старика, продававшего на обочине вино в кувшинах. Её внимание привлёк один сосуд: его внешний вид, окраска и форма были абсолютно не похожи на соседние и все те, что когда-то ей встречались. Решение купить эту красоту пришло инсайтом. Кувшин был горячим от солнца, но от вина исходил приятный терпкий холодок.

Глотнув вина из горлышка, Катя почувствовала прилив сил. Она стояла уже не посреди площади. На фоне сухих, едва зелёных деревьев девушка увидела возвышавшуюся мечеть Аль-Кутубия, самую большую в Марракеше. «Мечеть книготорговцев». Почему она носит столь странное название? То ли когда-то давно перед ней на площади раскладывали для продажи рукописные сборники хадисов⁴¹, «Коран» и сунны⁴²? То ли в самой

³⁹ Джеллаба – традиционная женская и мужская одежда берберов: халат с широкими рукавами и остроконечным капюшоном.

⁴⁰ Соединение африканских, берберских и арабских ритмов и религиозных песен.

⁴¹ Хадисы – предания из жизни Муххамеда.

мечети была библиотека? Внутренняя жизнь древней мечети оставалась скрыта от недостойных, тем более от женщин. Катя вспомнила легенду о четырёх золотых шарах, венчающих минарет Аль-Кутубия: однажды жена султана согрешила во время священного поста – выпила стакан воды до захода солнца. Во искупление своего греха она отдала всё золото, что у неё было, на золотые шары для минарета. (Потом, правда, произошло разоблачение, как это случается со всякими легендами: оказалось, что шары не золотые, а медные, позолочены только сверху. Но правда открылась только в 1990, а до этого на минарет многократно нападали, пытались украсть золото. Мечеть дважды разрушали и отстраивали заново. Выяснилось, что михраб первой мечети не ориентирован на киблу⁴³. Пришлось разрушить прекрасное здание. Архитектора обезглавили, а мечеть перестроили...). Катя прикоснулась к тяжёлому и липкому от жары замку на воротах. Вот что странно: она не изучала специально историю мечети. Но сейчас она знала её! Знание пришло откуда-то извне, как данность.

От возбуждённого волнения у Кати пересохло во рту. Она вспомнила про свой кувшин. Держала в руках и разглядывала. С тонкой изогнутой шеей, с полустёртой геометрической вязью – он вполне мог сойти за магический артефакт фантастического произведения. В литературе богатая традиция волшебных напитков: живая и мёртвая вода, всякие зелья... Можно представить, что и она стала обладательницей подобного сосуда.

Казалось, глоток вина дал направление. Пустившись в уличный водоворот по закоулкам и духмяным садам, аллеям и узким переходам, она вышла к белым колоннам дворца Бахия. Дворец был просторным и гордым. Витражные плиты, сине-жёлтые краски, голубые воды в мраморных фонтанах... Катя присела на маслянистый, скользкий пол на террасе и под пение воздуха погрузилась в сомнамбулический транс.

⁴² Сунна – канонизированный сборник хадисов.

⁴³ Михраб – углубление внутри мечети; место, где молится имам. Михраб всегда направлен на киблу, то есть в сторону Мекки.

В дрёме ей привидился великий визирь Си Ахмед бен Мусса. Это был не просто министр, несущий тяжесть⁴⁴, это был полноправный могущественный ферзь⁴⁵. Султан практически передоверил ему управление страной. Могущество визиря подкреплялось богатством: много золота, много рабов. Четыре жены было у него и двадцать четыре наложницы. Для своих женщин построил визирь роскошный дворец с киприсовыми садами, бананами и жасмином, с апельсиновыми рощами и фонтанами каррарского мрамора. Мрамор везли из Италии, камни – из Африки. Си Ахмед бен Мусса не скупился. Семь лет потребовалось только для того, чтобы украсить дворец внутри. Изготавливали причудливую керамическую плитку, панели ливанского кедра; делали тонкие зулляйджи⁴⁶. Не жалел денег Си Ахмед бен Мусса. Он скупал земли у соседей и присоединял их к территории дворца, отчего тот всё больше походил на лабиринт, в котором блуждала душа визиря... Дворец был закончен к 1900 году, но ни жёны с наложницами, ни витиеватая резьба не смогли усладить взгляд своего господина. В том же году у него случился сердечный приступ, и он не успел отдохнуть в дворцовом хамаме и жасминовых садах.

После смерти хозяина роскошь дворца старались скрывать: снаружи стены не украшали, скромно прятали восемь гектаров дорогой земли. Не помогло. Власть во дворце Бахия постоянно менялась, и чудо, что удалось сохранить его в целости...

Катя вдруг очнулась. Во внутреннем дворике никого не было. Тёмное мускатное небо нависло над галереей гарема. На сцене дворца, кажется, затевался концерт андалузской музыки: они проводились здесь регулярно. Музыканты уже расставляли аппаратуру. Витражи переливались от звёздного блеска, на душе было тепло и спокойно. Катя откупорила остывший кувшин и сделала глоток вина...

⁴⁴ С арабского языка «визирь» переводится как «носильщик», «переносящий тяжести», как в прямом, так и в переносном смыслах.

⁴⁵ Слово «ферзь» происходит от «визирь».

⁴⁶ Зулляйджи – традиционные для мавританской архитектуры терракотовые изразцы, которые используются для украшения оштукатуренных стен, потолков, полов, бассейнов

Утро подкралось незаметно. Рынок «Сук» сводил с ума смешением запахов: баночки из тонкого стекла с феромономи, флаконы “Shuer”⁴⁷, специи, пропитавшие воздух всего Марракеша: кардамон, имбирь, мускат. Тут же – восточные сладости. Базар звенел дешевыми браслетами. Кричали продавцы, шлёпая по ладоням подмётками кожаных сандалей; кричали покупатели, сбивающие цену. Марроканцы хватали друг друга за рукав, размахивали руками. Грустные, измученные жарой ослы валялись на площади у рынка.

У Кати оставалась несколько часов до самолёта, но ей хотелось видеть больше. Она, действительно, увязла в этой горячей патоке Марракеша. И понимала, что купленное у старика вино давало не только головокружение, но и таинственное озарение. Вино вело по Марракешу, раскрывало его.

Со следующим глотком она вышла от рынка к самому «солённому» кварталу города, к Меллаху⁴⁸. Этот квартал был основан в шестнадцатом веке, на месте бывших конюшен марроканского султана. Он обнесён стеной (Кате пришла печальная ассоциация с гетто) и остался, скорее, как память о жизни большой нации. Сюда нужно было попасть, чтобы увидеть другой Марракеш. Евреи не имели права селиться вне стен, они обустроивали район внутри.

Когда-то здесь жила самая большая еврейская община в Африке, около трёхсот тысяч человек. После войны осталось едва ли три тысячи. Последняя действующая синагога, преобладающий синий цвет домов, деревянные балконы, мезузы⁴⁹ на дверях. В 1939 Джорж Оруэлл увидел здесь «огромные сборища детей с больными глазами, подобные роям мух». Катя не увидела и не услышала почти никого, кроме внутреннего голоса, пересказывающего историю Марракеша иудеев. По его наводке она зашла напоследок на древнее еврейское кладбище. Здесь не было цветов. Не было памятников. Солнце клонилось к однообразным глиняным холмам,

⁴⁷ Shuer – чувство (араб.) . Название известных арабских духов.

⁴⁸ В Средние века евреи торговали солью. Название еврейского квартала переводится как «солёный».

⁴⁹ Мезуза (ивр.) – свиток с молитвой. Размещался на дверном косяке.

напоминающим перевёрнутые ванны, без знаков различия и имён. Именно здесь наиболее явной становилась мысль о тщете любой власти. Ты можешь построить минарет или развернуть пёстрые шатры дворца, но после жизни получаешь только урну или земляной холм.

Ночь наступила внезапно. Отель, аэропорт, самолёт –это было уже привычно. Катя шла на посадку по «рукаву», глубоко вдыхая напоследок восточный привкус сладости и остроты. На боку её рюкзака болтался пустой кувшин.

Переменчивая Флоренция

На улице стояла удушливая тридцатиградусная жара. Даже сами флорентийцы в полураздетом виде слонялись по городу в надежде найти спасительную тень.

Катя, не привыкшая к таким фортелям погоды, стояла на Пьяцца-делла-Република в столице Тосканы, размахивая буклетом, словно опахалом. Мягкие субтропики, как же! В России очень редко случается такая жара. И, как на зло, ни одного деревца на этой оголённой площади – на территории бывшего Римского форума. Предки могли бы и посадить парочку апельсиновых деревьев! Под навесами сувенирных лавок не спрятаться: полно людей. Как будто весь мир собрался во Флоренции сегодня для какого-нибудь флешмоба. Флешмоб «Купи магнит с фоткой», усмехнулась Катя.

Минут десять она наблюдала за отчаянными детьми, которые раза по три катались на роскошной карусели. Им не жарко. Её это забавляло, и она решительно захотела последовать их примеру.

Присев на серую лошадь с розовой гривой, она кружилась в такт музыке и радовалась, как ребёнок: жара действительно отступила. Вокруг, как в клипе, пестрела Флоренция, многоцветная и счастливая, как и положено городу с таким названием.

Кукольная архитектура эпохи Возрождения, бесконечные узкие городские улицы... С первого взгляда город показался девушке дворцом под открытым небом, со множеством потайных ходов и пышных комнат – площадей. Хоть бы выдалась возможность записать новый сюжет или порисовать! (Она не оканчивала художественной школы, но любила сделать графические эскизы в блокноте «для себя» рядом с путевыми впечатлениями. На память, вместо фотографии).

Катю мучил вопрос: правда ли, что во Флоренции до сих пор живут духи Данте и Микеланджело? Поговаривали разное. Например, что душа великого поэта не простила «чёрным гвельфам» изгнания. Что до сих пор тёмный силуэт Алигьери возникает то возле могилы Беатриче Портинари в церкви Святой Маргариты, где юнцы оставляют записки с интимными просьбами (вспомнив, что Бетариче умерла в двадцать четыре, Катя поёжилась), то в его доме-музее. Хотя в последнем было бы странно видеть дух Данте: музей построили только в двадцатом веке, а от подлинной Casa di Dante⁵⁰ камня на камне не осталось. Хотя... может, его любимая алхимия? Надо проверить.

Флоренция – тихий, «породистый» город. Он пронёс сквозь столетия королевский шарм, сохранив его в стремительном беге современности. Этот город открывается постепенно: его надо прочитать, как исторический роман. И хорошо бы читать с кем-нибудь вместе...

У Кати во Флоренции жила подруга, с которой они познакомились ещё на первом курсе. Пару лет Лучиана училась по обмену в Москве, потом вернулась на родину и миллион раз звала в гости. Вот наконец удалось изменить Лазурному берегу, вырваться сюда и посмотреть на город, который так красочно описывала ей Лучиана.

К дому Лучианы, её неунывающей Лючи, нужно было, как древние римляне, идти Кассиевой дорогой – через мост, который «населён» множеством продавцов, продающих жёлтые увесистые цепочки. Это знаменитый Понте-Веккьо. Единственный, сохранившийся со Средневековья в неприкосновенности, по странности избежавший гитлеровских бомбёжек, мост Понте-Веккьо. Не нужно жить во Флоренции, чтобы знать о нём.

Слава Лоренцо Медичи, думала Катя, который в пятнадцатом веке запретил торговать здесь мясом и рыбой. Слишком уж, вероятно, воняло тогда на мосту. К тому же гнилые туши (холодильников-то не было!) сбрасывали прямо в реку. Стоял такой тяжёлый дух, что для знати построили

⁵⁰ Дом Данте (итал.)

верхний переход – крытую галерею над лавками. Однако окошки для подслушивания – что говорят простолюдины внизу – всё же оставили.

Занятная была эпоха! Сейчас любой толстосум может купить себе пару золотых колец, но для этого изволь потолкаться на нижнем ярусе. Верхняя галерея закрыта. Катя перегнулась через перила и глянула на реку Арно: густая, зелёная, как абсент. Гордиться особо нечем. С этим мостом связано не только хорошее. Говорят, слово «банкротство» пошло именно отсюда: с тех времён, когда стража демонстративно разбивала прилавки разорившихся лавочников⁵¹. Так они и соседствовали здесь: великолепия и нищета. Пафосная галерея Уффици с полотнами Ренессанса – и, впритык, старый мост над грязной речушкой.

Катя с трудом поднималась по прожаренной улочке.

Во Флоренции чувствуется южный воздух. Идёшь, дышишь открытым пересохшим ртом, как рыба на суше. Высматриваешь тень боковым взглядом.

Ну, наконец-то! В тихом и закрытом *quarto*⁵² на крепких верёвках сушится мокрая одежда. Между этажами в такт с бельём колеблется итальянский флаг. Мужчины в синих трико, натянутых до груди, ругаясь с женой на своём огненном диалекте, пьют настоявшийся лимончелло⁵³. Сразу захотелось их нарисовать, но это, пожалуй, выглядело бы неэтично.

«Kati! Ciao tesoro!»⁵⁴ Я тут, поднимайся скорее», – очень громко со второго этажа прокричала Лучиана.

Путешественница брезгливо приоткрыла полуразвалившуюся грязно-зелёную дверь.

В затенённом подъезде очень трудно было найти даже лестницу. В нём пахло кошками. Они, как полноправные жители дома, сидели на подоконниках и оценивающе осматривали незнакомку.

⁵¹ По-итальянски «разбитый прилавок» – *bancorotto*.

⁵² Квартал (итал.)

⁵³ Итальянский лимонный ликёр

⁵⁴ Привет, сокровище! (итал.)

Дверь в квартиру была распахнута.

Белая комната с коричневой мебелью, несмотря на простое убранство, выглядела очень ухоженной.

– Da quanto tempo! Bella!⁵⁵

– Chi si vede!⁵⁶ – Катя на ходу вспоминала свой недоученный итальянский язык. Благо, Лючи свободно переходила на русский.

– Как я рада, что ты здесь! – тормошила её Лючи. – Сегодня – отдых, душ, выпивка. На завтра – наполеоновские планы!

На следующий день завтракали с энтузиазмом. Одноглазая яичница с колбасками, под соусом песто, пришлась по душе проголодавшейся Кате.

– Э-э! Много не ешь! Впереди тебя ждёт гастро-тур: самые сочные стейки, – смеясь, предостерегла Лючи.

– Не беспокойся, ты же знаешь, как я люблю поесть.

– Ты, наверное, не помнишь, как я тебе рассказывала историю про дух Микеланджело, который обитает в нашем городе до сих пор? Так вот, не забудь взять блокнот со своими каракулями и карандаш. Обещаю тебе сюрприз. Будет что записать!

Катя слегка насторожилась: кто знает, что на этот раз выдумала её отчаянная подруга. Она сама, конечно, любила приключения и хотела бы встретить «тени прошлого», но старалась готовиться ко встречам заранее, а от Лючи можно было ожидать всякого. Отчаянная голова!

Погода с утра была грустной, дождь смывал следы вчерашней удушливой жары. Но Лучиану не смутить:

– Такая погода нам кстати для вечернего дела.

– Знаешь, – продолжала она, – мне нравится, что Италия разная. У каждого города свои правила и вкусы. Но что отличает Флоренцию от всех, так это то, что в ней чувствуешь себя дома. Она не даёт повода для грусти. Что ты такая... как это по-русски... понурая? Посмотри на людей! Ты

⁵⁵ Сколько лет, сколько зим! Красотка! (итал.)

⁵⁶ Давно не виделись! (итал.)

видишь хоть у одного человека грусть? Ты видишь, чтобы хоть кто-нибудь здесь ныл и киснул? Нет, я серьёзно! Даже вон у того трудяги горят глаза. И совершенно не важно, что он встаёт в пять или шесть утра. Он рад просто тому, что встал и что он – здесь!

Во время прогулки Катя неоднократно думала, что в рассуждениях Лючи большая доля правды. Флорентийцы знали, как побороть тоску. Внутри города, на богом забытых улицах располагалось много старинных мастерских. Вероятно, семейные династии хранили ремёсла. Изготовление редчайшей обуви. Мастера кожных дел. Реставраторы мозаики и чеканщики. Копировщики картин и шлифовальщики стёкол... Каждая мастерская пахла по-особенному. Как говорит Лючи, многие великие кутюрье вышли из этого города. Наряжали в свои ткани особ из привилегированного общества. Днями и ночами путались в шёлковых нитях, как пауки-прядильщики, чтобы произвести на свет уникальные одеяния.

К счастью, быстрый прогресс не стёр лица этого многогранного города мастеров

Когда во Флоренции ливень, вода в реке Арно стремительно поднимается вверх. Иногда защитные дамбы с ней не справляются. Скопившаяся в переулках вода хлупает в обуви. Кажется, что ты не идешь, а плывешь по городу, успевая задеть близкие стены.

И вот подплываешь к Соборной площади – к Пьяцца-дель-Дуомо. Красные, золотые купола, словно игрушечные, прилеплены друг к другу. Это собрание куполов напоминает запуск монгольфьеров, думала Катя, пока зарисовывала фасад Санта-Мария-дель-Фьоре. Разные стили архитектуры; широкие, размашистые крыши. Как минимум, пять памятников на одной площади.

Девушки пристроились у южных ворот баптистерия, защищавшего их от сырости.

Лючи болтала без умолку:

– Così⁵⁷... Ты знала, что раньше, совсем давно, здесь стоял храм Марса? Флорентийцы верили, что если его разрушить, то и весь город не поживет... не выживет. Потом, в четырнадцатом веке, пошёл дождь, как у нас сейчас... шучу, шучу! В общем, случилось наводнение, и храм – фьюить! Разрушился. А Флоренция стоит, как видишь. Санта-Мария, конечно, в первую очередь для туристов, но он может вместить всю местную молодёжь. Этот собор сначала строили так, чтобы он вмещал вообще всех флорентийцев: девяносто тысяч человек. Представь! Говорят, что по факту он вмещает всего тридцать тысяч. Но по мне, так это тоже неплохо! Красивая площадь, да?

Пьяцца-дель-Дуомо и впрямь выглядела нарядно. Здания настолько удивительны, что взгляд цепляется за каждый узор. Все храмы совершенно разные. Одни – с треугольными арками, другие – с круглыми, но гармонично дополняют друг друга. Свет попадает в них через крошечные окошки.

– Видишь смотровую площадку? – Лючи указала на купол центрального собора. – Там всегда собираются люди и птицы. Сегодня она почти пуста. Но всё остальное на месте: фрески Данте, «Врата рая», мозаика из самоцветов. Готовься, сейчас поднимаемся наверх! Кстати, купол тоже непростой. Брунеллески создавал его без всяких строительных лесов и кирпичи укладывал как-то... я не помню, как именно... наискось, чтобы держались.

Пройдя около пятисот ступенек, Катя увидела всю Флоренцию, окружённую тенистыми холмами. Вдалеке, под Аппенинскими горами, располагаются виноградники Кьянти, а на Пьяцца-делла-Синьория готовится к бою с Голиафом Давид Микеланджело.

Лючи перехватила её взгляд:

– Это копия. И вообще, прости меня, *sorella*⁵⁸, сейчас любить «Давида» – это китч.

⁵⁷ Так (итал.)

⁵⁸ Сестра (итал.) – дружеское обращение молодых итальянок друг к другу.

Катя не согласилась. Ей нравилось, как Давид вписывается в пейзаж. Ей нравилась панорама, но не взялась бы нарисовать её.

Сумерки спускались неумолимо. Ветер, мчавшийся с Лигурийского побережья, накрыл город и поднял в воздух весь дневной сор. Даже этот разгул стихии был к лицу Флоренции. Графитово-серебряное небо с сапфировыми просветами словно отсылало жителей двадцать первого века к неведомому прошлому.

Ближе к ночи погода окончательно распоясалась. Теперь от плотного дождя не спасал даже зонт, рвущийся из рук.

Подруги нашли укрытие в архаичном ресторане. Лучиана посоветовала заказать фирменный бифштекс на углях: горячий, поджаренный снаружи до черноты и с кровью внутри. Мясо оказалось сочным и «бархатным».

Ресторан был переполнен мокрыми людьми. Половина говорила на непонятных языках. Катя с замиранием слушала всех. Казалось, что они говорят о счастье.

За их столом молчание затянулось надолго. Катя увлеклась тар-таром из говядины с вялеными томатами. Кислый соус (лимон, базилик и розмарин) тоже был хорош.

Она готова была сидеть здесь век, стать новым элементом интерьера, но Лючи погнала её к выходу.

– Ты же не забыла? Уже скоро двенадцать часов. У нас ещё есть неоконченные дела.

Я уже так устала, – Катя поправила ремешок сандалии. Обувь до сих пор влажная. – Завтра ещё целый день!

– No, no, tesoro! Non arrenderti!⁵⁹ Не знаю, как у вас в Генуе, но флорентийская ночь – лучшее время для художников и призраков.

⁵⁹ Нет, сокровище! Не сдавайся!

В окнах гостиниц уже не было света, площади послушно заснули и отключили фонари. Жители закрыли дома на замок и с шорканьем залезали под одеяло.

Прислонившись к мшистой допотопной стене, где камни напоминали кривые сточенные зубы, Лучиана начала читать строки из «Божественной комедии». Катя немного смутилась

– С чего это ты вдруг решила прочитать её?

– Не мешай! Ты знаешь, где мы? Это Chiesa di Santa Margherita dei Cerchi. В двадцати метрах – дом Данте. Хочу проверить, появится ли он.

*Per che, se del venire io m'abbandono,
temo che la venuta non sia folle.*

*Se' savio; intendi me' ch'i' non ragiono*⁶⁰.

На второй песне «Ада» створки на окнах церкви скрипнули. Невозмутимая Лючи продолжала читать. Змея страха проползла по позвоночнику Кати вверх, до затылка, *клубами змей пустыни свирепые виски оплетены*. Ей показалось, что сутулая чёрная тень скользнула вдоль серой стены. Тень в островерхом капюшоне с длинным, крючковатым носом...

– Слушай, хватит уже! – Катя перешла на шёпот. Потянула Лючи за рукав. – Пойдём домой.

– Бежим!

Крепко взявшись за руки, они убегали от собственного ужаса.

Катя очнулась только в квартире. Лючи что-то напевала, готовила оранжад, стелила постели. Перед сном под села к Кате:

– Когда стоишь там в полночь, читаешь дантовские терцины... И этот дождь, капли на диком винограде...и ставни хлопают. Жутковато, да? Зато Флоренция тебе запомнится. И спать теперь будешь *come un ciocco*⁶¹

⁶⁰ «И если я сойду в страну теней,
Боюсь, безумен буду я, не боле.

Ты мудр; ты видишь это все ясней» (Данте «Божественная комедия». Пер. М. Лозинского)

⁶¹ Итальянский фразеологизм «Dormire come un ciocco» по смыслу соответствует русскому «спать без задних ног».

Как ни странно, распогодилось. Луна вертелась и подглядывала в окно. Лючи спала, но для Кати ни о каком сне не было и речи. Она включила ночник и пыталась нарисовать профиль Данте. Пока не почувствовала, что глаза стали сухими от усталости, и руки, как тряпочные, падают на колени.

Новый день – словно чистый лист. Такого удивительного состояния Катя не испытывала никогда. Она не могла даже объяснить причину этого внутреннего спокойствия. Ей просто было хорошо.

Дома стояла тишина. Подруга оставила клочок бумаги, извинилась, что убежала не разбудив. Срочное дело. Если хочешь, выходи на улицу сама. Записка вполне в духе Лючи.

День казался тёплым. Катя решила ещё раз прогуляться по городу одна. Ранним утром людей почти не было слышно. Она спустилась ближе к воде и присела на мокрые камни. И по привычке взялась рисовать. Постепенно в голове стал складываться диалог, как бывает, когда долгое время остаёшься один и изобретаешь воображаемого собеседника.

– У вас неплохо получается.

– Не уверена. Мне всегда казалось, что мои рисунки посредственны.

– Вы чересчур скромны, сеньорита. Я повидал многих художников, пытающихся запечатлеть флорентийские панорамы: то бенедиктинский монастырь, то могилу Коллоди. Поверьте, Вы не в последних рядах.

– Я благодарю Вас за высокую оценку моих эскизов и с почтением отношусь к Вашему опыту.

– Да, мой опыт... В детстве отец частенько лупил меня за «мазню», недостойную его положения. Бил за то, за что потом щедро платил мой патрон, – Лоренцо Медичи. В своё время я пережил тринадцать Римских Пап. Для девяти из них я писал. Думаю, Вы помните «Сикстинскую капеллу» (доставила много хлопот; приходилось работать лёжа, долгими часами). Я немного понимаю в рисовании, сеньорита. И авторитетно говорю о Ваших способностях.

– Мне неожиданно слышать похвалу от Вас. Помимо своей гениальности Вы известны как мизантроп, угрюмец, насмешливый и желчный. (Простите, если я задеваю Ваши чувства).

– Признаюсь, сеньорита, я не люблю людей. При жизни я всегда утверждал, что искусство – это единственная возлюбленная и единственный друг, которых может себе позволить художник. Но... Ваша подруга здесь... удаляюсь. Помните универсальный принцип: главное не создать, а понять.

Лючи загородила обзор. Она улыбалась, волосы отдавали медью на просвет. Её энергия распугивала всех призраков прошлого. Сразу стало жарко, весело и просто. Катя закрыла альбом – и поднялась навстречу Флоренции.

Узнаваемый Лондон

В общежитии пахло фасолью в томатном соусе и сгоревшими тостами. На улице лил проклятый холодный дождь, а дверца шкафа постукивала в такт сквозняку.

Катя выглянула в окно, сморщила унылую гримасу – и солнце появилось из ниоткуда. За дверью комнаты слышалась непрекращающаяся беготня студентов.

Языковые курсы закончились. У Кати (Кейт, как она называла себя на английский манер) оставалась целая неделя, чтобы породниться с Лондоном. Когда она вышла из здания, то вновь ощутила на себе капли лондонского дождя.

«Интересно, – подумала она, – стоит мне упустить его из виду, солнце убегает».

До центра приходилось ездить с пересадками, сначала на автобусе, потом на метро. The Tube⁶², на удивление, оказалось достаточно чистым, но отсутствие уличного воздуха и панический страх темноты не давали расслабиться.

– Вам плохо? Может, нужна помощь? – спросила молодая англичанка в красном худи⁶³ и бейсболке.

– Я просто... немного заблудилась и не могу найти платформу, с которой отправляется поезд на Westminster – скромно проговорила Кейт.

– Ничего страшного, я вам помогу. – Незнакомка стремительным шагом, пробираясь сквозь толпу таких же проворных, привела Кейт на третью платформу, посадила в полупустой вагон и помахала.

⁶² Лондонцы часто называют своё метро «Труба».

⁶³ Худи – флисовый, трикотажный свитер с капюшоном. От англ. «hood» – капюшон.

Любезность произвела впечатление на Катю: она никогда не сталкивалась с такой доброжелательностью посторонних людей. И мысленно поставила «лайк» Лондону и его жителям.

На каждой станции вагоны переполнялись важными «сэрами» в костюмах, со свежей прессой в руках и утренними сэндвичами с ветчиной. «Westminster» – объявили по внутреннему радио.

Сердце стучало очень быстро до самого момента встречи. Она вышла и увидела его.

– God save the Queen!⁶⁴ – пробормотала Кейт.

Он был настоящий. Статный, даже лучше, чем на картинках. Дядюшка Биг Бен. Недалеко шумела Темза, все бежали кто куда, и только она неподвижно стояла и смотрела. Возможно, кто-то сказал бы, что это глупо: восторгаться самым известным. Тем, что первым возникает в голове, когда говоришь «Лондон». Тем, что проходят на уроках «инглиша» в школах. Но Катя с детства любила всё английское. Да, она обожала путешествовать в принципе, где только не была. Но Лондон ассоциировался со школой, с первыми песенками и детскими переводами Маршака, с «Алисой в Стране чудес». Когда она училась в «началке», она думала, что Биг Бен – это часы на башне Вестминстерского дворца. И всегда представляла себе их как живое существо. Потом, конечно, узнала многое: что это имя носит тринадцатитонный колокол под часами, что в часовой башне одиннадцать этажей, что именно с первым ударом Биг Бена в мире начинается «официальный» новый год... Теперь Катя мечтала побывать во всех 1200 комнатах Вестминстерского дворца. Но это когда-нибудь потом. Сейчас её делало счастливой уже то, что она смогла приехать на летнюю школу в Лондон.

Прокружившись возле одного из символов Лондона, девушка подстелила плащ и прилегла на яркий, глянцевый газон в сквере. Рядом с ней

⁶⁴ Боже, храни королеву! (англ.)

расположились работники «Бена» и неторопливо пережёвывали домашний ланч.

Пока она была школьницей, Катя знала наизусть книги и фильмы о Гарри Потере. В свои лет семь она хотела так же, как и главные герои, летать на скоростной метле над городом, сидеть наверху London Bridge⁶⁵ и любоваться двухэтажными красными автобусами. Сейчас она лежала на газоне, жевала травинку и бормотала народную английскую песенку:

London Bridge is falling down,

Falling down, falling down.

London Bridge is falling down,

*My fair lady*⁶⁶.

К полудню погода стала приятнее. Солнце припекало не сильно, и дождь окончательно отступил.

Задолго до поездки Катя составила список мест, которые обязательно нужно посетить. Теперь у неё появилось время выполнить кое-что из перечня.

Спускаться в подземку желания не было. Встречаться с городом нужно face to face⁶⁷. Мысленно ликуя, Кейт запрыгнула в знаменитый красный даблдекер⁶⁸. Ущипнула себя пару раз, потому что не могла поверить, что всё это наяву. Автобус казался таким высоким по сравнению с маленькими коричневыми домиками! У каждого особнячка во дворе уже начали цвести аккуратно высаженные цветы: бегонии, ирисы, ранние розы.

На втором этаже автобуса было очень комфортно. А ведь она читала книгу Джона Кристофера о первых лондонских омнибусах. В девятнадцатом веке сидения у них были жёсткими, люди жаловались на тесноту и

⁶⁵ Центральный лондонский мост, связывающий районы на разных берегах Темзы.

⁶⁶ Первый куплет известной в Великобритании народной песенки:

Лондонский мост падает,

Падает, падает,

Лондонский мост падает,

Моя милая леди.

⁶⁷ Лицом к лицу (англ.)

⁶⁸ Двухэтажный автобус

неудобство. Да и кони не справлялись: тянули свой транспорт медленно; колёса застревали на булыжной мостовой... Сейчас совсем другое дело! Лондонский автобус чувствует себя хозяином улиц.

Он, конечно, нетороплив. Пружинит, покачивается на поворотах. Соединяет какой-нибудь театральный Вест-Энд со Скотланд Ярдом. Встречаются даблдекеры всех оттенков красного: от алого до малинового. А иногда англичане перекрашивают их в какой-нибудь несусветный синий – к премьере фильма о Гарри Поттере. Или, допустим, в золотой – к юбилею Елизаветы.

Кейт добралась до Букингемского дворца. Залюбовалась королевской гвардией.

– Обратите внимание, – рядом раздалась русская речь (вероятно, русскоязычные экскурсии возле Букингема – дело привычное). Сухопарая дама, сама напоминающая королеву голубоватыми волосами и общей солидностью, очерчивала указкой контуры церемониальной стражи. Кейт отодвинулась от стайки туристов ровно настолько, чтобы сохранить независимость, но при этом слышать, о чём идёт речь.

– В ожидании парадного развода, – дама продолжала заученным тоном, – мы с вами поговорим о Лейб-гвардии Её Величества, которая состоит из двух войск кавалерии и пяти пехотных полков. Вас, конечно, заинтересовали высокие чёрные шапки, из-за которых королевских гвардейцев называют «медвежьими шкурами». Шапки сделаны из меха гризли. На производство каждой шапки уходит шкура одного медведя.

– Куда «зелёные» смотрят, – усмехнулся один из туристических дядек, не отрываясь от своей камеры с широким объективом. Кате показалось, что его занимает не столько судьба гризли, сколько возможность вставить в разговор свои «пять копеек».

Дама не смутилась ни на миг:

– Споры со сторонниками Общества защиты животных продолжаются уже долгое время. Возможно, Вас утешит (дама на миллиметр повернулась

корпусом в сторону дядьки) традиция, бытующая среди солдат, – передавать шапки по наследству новобранцам. Кроме того, за изготовление шапок из натурального медвежьего меха активно высказывается Канада, где каждый год выдаётся около двадцати пяти тысяч лицензий на отстрел гризли. Это позволяет удерживать популяцию животных в необходимых пределах, а также даёт заработок канадским индейцам – охотникам. Однако гвардейцам носить эти шапки, как и служить в королевском полку, – очень непросто.

– Стой себе как истукан. Работёнка непыльная, – хохотнул тот же дядька.

– Служить в королевском полку очень непросто, – повторила «железная леди», не сбивая тона. – Каждая шапка весит около трёх килограммов. Нельзя обращать внимание на назойливых туристов. А во времена военных конфликтов королевские пехотинцы участвуют в боях наравне с остальными. Они воевали в Персидском заливе, на Фолклендских островах, на Суэцком канале...

В толпе началось активное движение. Кейт поняла, что грядёт парадная смена караула – ежедневный ритуал, собирающий толпу народа, – и поспешила уйти. Парадный развод она уже видела. Сегодня почему-то было особенно тесно, никакого удовольствия, лучше уж по парку прогуляться.

В Сент-Джеймском парке, где пахнет свежестью от хвойных деревьев, почти всегда тихо. И англичане разговаривают еле слышно, наверное, чтобы не разбудить королеву. Парк выполнен в Версальском стиле. Пока Генрих VIII в шестнадцатом веке не построил здесь охотничий домик, чего только не было на этих болотах! От лепрозория до фермерских хозяйств. Теперь свиньи на лужайках больше не пасутся, зато полно другой живности. Белки (как без них!), утки, лисы, пеликаны... Кейт смотрела, как дети под патронажем мамы кормят прожорливую птицу, и чувствовала, что проголодалась.

«Fish and chips» – сверкающая вывеска, как на заправке, привлекала её внимание. Картофель фри, лимонад и жареная рыба в кляре, одно из традиционных британских блюд на вынос, – так просто и так вкусно.

Ближе к вечеру толпа в районе Вестминстера поредела. В центре Лондона стало комфортнее, уже не было ощущения, что тебя раздавят. Странно: Лондон – седьмой по величине город мира; тем не менее, люди ухитряются толкаться локтями. Любопытно, в дорогом районе Хэмпстед или в богемном Фицровия такая же толкучка? Кейт знала, что в Лондоне очень много кварталов, от богемных, напыщенных, до скромных, но не менее привлекательных.

Она представляла, как раньше по этим улицам ходили английские денди с тростями и жгучими трубками, из которых мужчины надменно выпускали дым. Тростью они останавливали экипаж и оценивающими взглядами провожали прохожих.

Сейчас всё иначе. Катя записывала в бумажный блокнот названия улиц. Заглядывала в старейшие антикварные магазины сквозь мутные стёкла витрин. Бродя по району Ислингтон, она видела там постаревших вместе с городом старичков в круглых очках. Антиквары с трепетом и осторожностью смахивали пыль с ценных экземпляров.

В книжную лавку пришлось спускаться по опасной выщербленной лестнице. Кейт прошла вдоль столов, едва касаясь охряных обложек старых томов. Толстые и хрустящие страницы: их страшно перелистывать.

Среди общей старины она нашла необычную книгу. Одна из страниц каждого разворота предлагала выцветшую гравюру с видом неузнаваемого европейского города, а соседняя страница пустовала. Книга напоминала путеводитель для туристов века восемнадцатого. На обложке сохранилась часть стёршейся надписи. Кажется, на немецком: «Getreue Darstellung und Beschreibung...». Интересно, для чего пустые страницы? – удивилась Кейт. Она отдала за интригу целых тридцать фунтов. Дорого, но... Когда Кейт сидела на лавочке в Гайд-парке в свой последний лондонский вечер,

прощалась с британской столицей и перелистывала книгу, она поняла, чем вызвана её страсть к изданию. Это был не только писательский трепет перед пустыми страницами. Незаполненные листы воплощали надежду на бесконечность пути. Лица городов менялись, с каждым из них приходилось расставаться. Но всегда оставалась возможность перелистнуть страницу, увидеть новые картины и вписать новые слова в незаполненный путеводитель.

Увидеть Париж – и жить

С прохладного парижского балкона была видна Opéra Garnier. В универе рассказывали, что в эпоху Наполеона III во Франции распространился симметричный и торжественный стиль beaux-arts⁶⁹, но Кате не особенно нравились вычурные картуши или увесистая лепнина. Взгляд соскальзывал с покатой крыши оперного театра, прыгал по высоким ступеням парадной лестницы и стремился дальше, дальше – к станции Auber, на весёлые французские бульвары. Рабочие в засаленных синих одеждах тщательно намывали тротуары и проезжую часть мыльной пеной, которая, смешиваясь с водой, утекала в водосточные щели.

Было приятно выйти в белых кроссовках на гладкую дорогу.

Весна пришла. Парижанки сняли тёплые манто и выгуливали свои лёгкие туалеты. Летние веранды открылись после холодной зимы и манили присесть и позавтракать. Катя так и сделала. В кафе «L’avenue» весеннего зелёного цвета с пастельными столиками девушка заказала кофе и хрустящий «Наполеон» с огромным слоем заварного крема. Странно. Почему во Франции не умеют делать кофе и десерты? Сухой «Наполеон» сильно крошился, а крем был настолько безвкусным, что она оставила затею доесть его до конца. Кофе с жидкой прозрачной пенкой, при этом почему-то крепкий до опьянения, тоже не вдохновлял.

Последний раз в Париже Катя была лет десять-одиннадцать назад, ещё девочкой. От первой поездки с мамой остался смутный образ: несколько картинок, скорее мечта, чем воспоминание. Приехав сейчас, она взглянула на город по-новому и распознала как его прелесть, так и изъяны.

Одна из самых длинных улиц, Rue de Rivoli, которую Марк Твен называл *старым другом*, с раннего утра была переполнена китайскими делегациями. Деловитые китайцы толкались, нервничали и постоянно что-то

⁶⁹ Изящные искусства (франц.)

кричали вслед другим. Длинная очередь в Лувр не рассасывалась около двух часов; некоторые не выдерживали и уходили. Катя выстояла и наконец шагнула в прозрачную треугольную пирамиду (спроектированную, кажется, как раз китайским архитектором) – главный вход в музей. Рюкзак с блокнотом она оставила в гардеробе: в Лувре нелепо делать записи. Как преодолеть утопическое желание посмотреть всё?

Древнеегипетские экспозиции расположились в нескольких залах. Экспонаты наводили на мысль, что египтяне увлекались смертью больше, чем жизнью. Погребальная культура властвовала над нижними этажами. Отплывали в страну мёртвых деревянные лодочки, найденные в саркофагах фараонов; стройные фигурки человечков с росписей внутренних стен мастабы⁷⁰ шагали друг за дружкой загадочной демонстрацией, мумии с раскрашенными лицами смиренно сложили руки на груди. А остроносый Анубис невозмутимо взвешивал сердца мертвецов на весах истины...

Поднявшись из тёмного подземелья в светлые комнаты, Катя продвинулась по ленте времени до Французской революции. Зелёные указатели привели её в королевские апартаменты Наполеона III. Бордовая бархатная мебель, «поседевшая» от времени, шторы от пола до потолка, неумеренная позолота – демонстрировали монарший вкус. К сожалению, дотрагиваться до золочёных ваз или, допустим, садиться в пузатые кресла было категорически запрещено. Француженки-смотрительницы не отводили пристальных взглядов. Катя вздохнула. Во всех музеях свои церберы. Кате нравилось нарушать запреты. Тайком от грозных глаз она притронулась к деревянному будуару и почувствовала какую-то неведомую силу, которую давало даже одно касание. Может быть, это прикосновение изменит ход её дальнейшей жизни согласно модному «эффекту бабочки»?

Она запуталась во всех этих королевских будуарах и шла наугад, останавливаясь возле скульптур, холстов, стеклянных коробов со

⁷⁰ Мастаба – египетская гробница раннего периода (араб. «скамья», «выступ»)

шкатулками. Пока – вдруг, как по волшебству, – ни увидела под прозрачным колпаком Мону Лизу.

В непробиваемом саркофаге картина казалась маленькой и тёмной: без апломба знаменитых полотен, без самоуверенности многовековых шедевров. Мона Лиза выглядела как обычная женщина, слегка постаревшая (наверное, из-за микротрещин краски на холсте) и уставшая от всеобщего внимания. Конечно, вокруг толпились зеваки. Экскурсоводы рассказывали избитые истории о возникновении картины. Катя знала много легенд о Джоконде. В одной из версий женщина была женой богатого торговца тканями. Да Винчи писал портрет по заказу её мужа, но так полюбил лицо на полотне, что не смог расстаться с картиной. В альтернативной истории Мона Лиза была матерью самого Леонардо, Катриной. В третьей вообще – учеником художника, переодетым в женское платье.

Катя просто хотела посмотреть ей в глаза. Что только ни делали с ней искусствоведы, бедная, бедная. Нашли в правом глазу инициалы художника, LV. Сканировали сосновую доску, на которой картина написана. Построили десятки теорий о несуществующей улыбке...

Мона Лиза ушла в себя. И Катя увидела зал Лувра словно изнутри, её глазами. Катя-Джоконда смотрела на полный зал из картины и чувствовала душераздирающую грусть. Никто так и не смог разгадать тот самый «код Да Винчи»...

После Моны Лизы хотелось на волю. Катя вышла из музея и глубоко вдохнула. Розовые цветы и трава уже цвели и отдавали нежнейший аромат. Сена плескалась и дурачилась, отражая в своих водах тяжёлые землисто-чёрные мосты.

Кате вспомнился момент, когда она, будучи восторженной девочкой, гуляла с мамой по французской столице. Это было самое лучшее путешествие: она, мама и Париж. Мама рассказывала ей о городе, а Катя старательно запоминала, чтобы потом поделиться с друзьями. Мама

терпеливо слушала, как она сочиняла на ходу песни. «Звёзды - звёзды над Парижем!» – горланила девочка и смеялась. Им было хорошо.

Ну почему нельзя вернуться в детство? Для чего нужно взрослеть? Краски блекнут, как лик Джоконды. И петь во весь голос на набережной Тюильри уже неприлично.

Ей захотелось прогуляться по их с мамой любимым местам. Сначала, конечно, туда, куда стремятся все туристы. Интересно, кто-нибудь еще замечал, что европейские города ночью не подсвечены? Они окутаны тьмой, в домах нет света, фонарные столбы спят... Но в Париже есть она. Усыпанная золотой пылью, высокая, направляющая взгляд, – Эйфелева башня.

Сейчас был день, поэтому башня выглядела прозаичнее. Не такая уж высокая; кажется, подняться наверх – пара пустяков. На самом деле, тот, кто собирается её покорить, должен запастись стойкостью. А в туристический сезон пробраться сквозь строй азиатских туристов в жёлтых панамках – дело не из лёгких. Они облепляют её, как пчёлы свой улей, со всех сторон. Кате и теперь не удалось покорить парижскую «вершину». Она поднималась пешком. Ветер гудел, раскачивая прутья металлического каркаса. Сквозь путаный рисунок сетки проглядывало Марсово поле. Номера, написанные сбоку на ступеньках, прирастали медленно. Уже сто шестьдесят седьмая... двухсотая... первый пролёт...

Оставалось менее половины пути, но терпения уже не хватало. Катя спустилась в сувенирный магазин, купила сто пятую миниатюру башни, поющую ручку с мелодией «Salut» Joe Dassin, села напротив непокорённой красавицы и достала блокнот.

«Весна пробуждает», – записала она, – «Парижане сняли чёрные одежды и нарядились в белые кроссовки и тельняшки. Дамы ходят с красной помадой и смешными “гульками” на голове. Но холодно и ветренно по-прежнему, в этом весь Париж. Ему даже серость и пасмурное небо к лицу. Ехидный Марк Твен уже говорил об этом что-то, наподобии: “Во Франции

нет ни зимы, ни лета, ни нравственности; в остальном же это чудесный край". Он был злюка, конечно, и англичанин. Но в чём-то прав. Когда вспоминаю Твена, сразу приходит в голову универ и лекции М.П. по зарубежке»

Катя отвлеклась. Город любви. Столица мира... Грязный-грязный Париж. Чумазные шатры, с которых стекает жир и птичий помёт, аляповато разукрашенные столбы и скамейки, не вписывающиеся в общую картину города, обилие попрошаек и запах мочи в переулках... Контраст красоты и натурализма. Прямо как у Гюго.

Вчера, засмотревшись на Нотр-Дам-де-Парí, Катя едва успела почувствовать, как воришка вырывает рюкзак, бессовестно, прямо из рук. Злость придавала сил, и она догнала вора. Позже, когда вспоминала, не могла понять только одного: почему никто не помог? Пока бежала за похитителем, никто не схватил его, только безразлично наблюдали со стороны. Наверное, у них это естественно: в пёстром городе каждый зарабатывает как может.

Кстати, до Собора Парижской Богоматери Катя вчера всё-таки дошла, преодолев четыреста двадцать две ступеньки. Не только для того, чтобы побывать в храме, где нет ни одной стены, только столбы, соединённые арками. И не только ради тернового венца Иисуса, который хранится в сокровищнице собора. Скорее, чтобы забраться на самый верх, с которого виден весь Париж.

Сегодня «весь Париж» не обращал на неё особого внимания. Катя шла и ловила «кадры» хроники французской весны. Одни влюблённые на Мосту искусств скрепляли замочки своей любви, другие в парке нежно обнимали друг друга. Крупные каштаны жарились на раскалённой сковороде. Серость неба приобрела розовый цвет от распустившихся цветов вишни.

Ноги невыносимо гудели от усталости, Кате захотелось есть. На ужин сегодня onion soup⁷¹. Воздушная сырная корка прикрывала сочный луковый бульон. Корочка была настолько горячей, что язык едва выдерживал.

Маленькая Катя боялась пробовать что-то новое, но улитки были настолько интересными, что она рискнула. Да и мама уговаривала попробовать. Мясистые, в зелёном чесночном соусе улитки выскальзывали из панцирей. Вспомнилось то детское недоумение: они не похожи на животных, это не рыба и не грибы, что-то непонятное. Катя быстро проглатывала их, зажмурившись. Но вкуса не запомнила. Поэтому теперь она тоже заказала улиток. Не так уж плохо – посмеялась про себя.

Темнело. Одинокой посетительнице предложили попробовать десерт за счёт заведения. Кусок торта с чисто-белым кремом и цитрусовым привкусом реабилитировал французских кондитеров.

Оставалось только пойти в гостиницу и окончательно расслабиться.

В номере Катя включила горячую воду и добавила несколько капель удового масла. Воздух в номере «потяжелел» от глубокого аромата. Смешиваясь с запахом ночного дождя из открытого окна, тяжёлый воздух словно крошился на крупные кристаллы.

Окно в ванной (окна в ванной – это достойно французов!) выходило на соседние дома. Что показывали в этом полуночном «кинотеатре»? Дикая гримаса мадам, размахивающей длинными руками перед лицом собеседника. По всей видимости, муж этой огнеопасной женщины уже привык к постоянным выпадам. Он спокойно перемещался, то исчезая из виду, то снова возникая в пределах освещенного окна, и никак не реагировал на эмоциональное цунами. Мадам это чертовски злило.

Очень интересно было наблюдать за ними. Все говорят, что парижане романтичные. Но что составляет эту романтику? Они не похожи на русских. Может быть, дело как раз в этом прямом выражении чувств? Думать об этом было лень; сон вкрадывался в мысли, разрушал целостность мира...

⁷¹ Луковый суп (франц.)

На следующий день Катя решила отдохнуть от музеев и арт-объектов. Сегодня что-нибудь попроще; начнём, пожалуй, с прогулки по Елисейским: от площади Согласия до Триумфальной арки. Утром за кофе Катя «загуглила» расписание местных праздников. Ничего специального сегодня в пешеходной зоне не происходило. Зато нашлась цитата Карамзина о Елисейских полях *«с маленькими цветущими лужками, с хижинками, в разных местах рассеянными, из которых в одной вы найдете кофейный дом, в другом – лавку. Тут по воскресеньям гуляет народ, играет музыка, пляшут веселые мещанки. Бедные люди, изнуренные шестидневною работою, отдыхают на свежей траве, пьют вино и поют водевили»*.

С отдыхом на траве эта улица у неё не ассоциировалась. Из детства осталось лёгкое разочарование: когда мама пообещала Елисейские поля, маленькой Кате представились бескрайние равнины с любимыми маками и лавандой. А вышло – магазины и кафе.

Зато сегодня на Елисейских полях было настоящее буйство красок. Фонтаны трудились на полную мощность: веера воды раскрывались, вырываясь из маленьких дырочек, поливали траву. И почему-то сейчас Катя почувствовала, как легко снова стать ребёнком. Поддавшись детству, она заскочила в магазин Диснея.

Великолепный «Дисней»: два этажа детской радости! Замок Спящей красавицы «совсем как настоящий», туфельки Белль с блестящими каблучками, костюмы Валл-И и Робина Гуда.... Взрослые дяденьки и тётеньки устраивали ажиотаж, наполняли конфетами пакеты – до ушей нарисованных на пакетах Микки Маусов. Возле магазина Катя записала в блокнот: *«Моя любовь к Золушке в Париже подкреплена материально! На сколько языках я уже видела фильм? На пяти, кажется. А сегодня купила себе пижаму небесного цвета и две куколки Сinderеллы. Абсолютно счастлива!»* – И тут же подумала о том, что пишет какую-то детскую чепуху. А ведь собиралась накапливать материал для рассказов...

Ну и пусть! Катя встряхнула головой, вспомнила Шарля де Голля, который сказал, что лучше Франции ещё ничего не придумано, разулась – и направилась босиком в сторону Триумфальной арки.

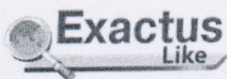
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, П. В. Русский ориентальный травелог как жанр путевой прозы конца XVIII – первой трети XIX века / Филология и человек – Барнаул: Изд-во Алтайского Гос.ун-та – 2014. – №2. – С. 34 – 45.
2. Бондарева, А. Литература скитаний. / Октябрь. – 2012. – №7. – с. 54 – 55.
3. Губайдуллина, А.Н. «Для бывших детей или будущих родителей?» (К проблеме двойной адресации современной детской книги). / Антропологическая психология в XXI веке: проблемы и перспективы. Сборник материалов V Сибирского психологического форума. – Томск, 03-05 октября 2013 г. – С.69 – 72.
4. Зиятдинова, Д.Д. Специфика функционирования жанровой модели травелога в современной русской литературе (Д. Рубина, Л. Улицкая) / Филология и культура. – 2014. – №3 (37). – с.238 – 241.
5. Майга, А.А. Литературный травелог: специфика жанра. / Филология и культура. Philology and culture. – 2014. – №3 (37). – с. 254-258.
6. Мамуркина, О.В. Травелог в русской литературной традиции: стратегия текстопорождения. / Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота – 2013. – № 9 (27): в 2-х ч. Ч. II. – С.110 –112.
7. Маркова, Т.Н. Авторские жанровые номинации в современной русской прозе как показатель кризиса жанрового сознания. / Вопросы литературы. – 2011. – №1. – с.5– 357.
8. Милюгина, Е.Г., Строганов М. В. Русская культура в зеркале путешествий. – Тверь: Твер.гос.ун-т, 2013. – С 4 – 150
9. Никитина, Н.А. Жанр травелога: когнитивная модель. / Homo Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – СПб: Астерион, 2013. – Вып.5. – С.131 – 134.

- 10.Русаков, В.М. Архетипические категории (концепты) в дискурсе травелога. / Дискурс Пи. – 2010. – №1–2, т.9. – с. 208 – 211.
- 11.Шачкова, В.А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории. / Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2008. – №3. – С.277 – 280.
- 12.Шор, Р. Путешествие. / Литературная энциклопедия: В 11 т. — М.:, 1929—1939. – Т. 9. — М.: ОГИЗ РСФСР, Гос. ин-т. "Сов. Энцикл.", 1935. — с. 375—376.
- 13.Tverdota G. Écrire le voyage. – Paris: Presses de la Sorbonne Nouvelle. – 1994. – 224 с.

Электронные ресурсы:

1. Балла, О. Нефотографизмы: преодоление травелога. / Homo Legens. – 2013. – №3. / Электронный ресурс. URL: http://magazines.russ.ru/homo_legens/2013/4/nefotografizmy-preodolenie-traveloga-pr.html (дата обращения: 29.05.2018)
2. Ярская-Смирнова, Е., Карпова Г., Ворона, М. «Веселые, непонимающие и бессердечные»? О феномене Питера Пэна. / Неприкосновенный запас. – 2008. – №6(62). Электронный ресурс. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/6/ia14-pr.html> (дата обращения: 24.05.2018)

Введите текст:

...или загрузите файл:

Файл не выбран...

Выбрать файл...

Укажите год публикации:

2018

Выберите коллекции

Все

Рефераты

Авторефераты

Иностранные конференции

PubMed

Википедия

Российские конференции

Иностранные журналы

Российские журналы

Энциклопедии

Англоязычная википедия

Анализировать

Проверить по расширенному списку коллекций системы Руконтекст

Обработан файл:

Яковлева Анна диплом.docx.

Год публикации: 2018.

Оценка оригинальности документа - 100.0%

Процент условно корректных заимствований - 0.0%

Процент некорректных заимствований - 0.0%

Просмотр заимствований в документе

Время выполнения: 24 с.

Заимствования отсутствуют

Значимые оригинальные фрагменты

Библиографические ссылки

Искать в Интернете

100.00%

Дополнительно